

СТЕФАН
АНХЕМ

ЖЕРТВА
БЕЗ ЛИЦА

«УВЛЕКАТЕЛЬНЕЕ, ЧЕМ Ю НЕСБЁ,
И МРАЧНЕЕ, ЧЕМ СТИГ ЛАРССОН».

ТОНИ ПАРСОНС

Триллер по-скандинавски

Стефан Анхем

Жертва без лица

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Анхем С.

Жертва без лица / С. Анхем — «Издательство АСТ»,
2015 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-982790-0

Можно ли уйти от своей судьбы? В маленьком шведском городке совершены два жестоких убийства. Жертвы – двое взрослых мужчин, когда-то бывших одноклассниками и неразлучными друзьями. Все знают, что в школе они травили и били ребят, которые имели несчастье им не понравиться. Многие догадываются, что, повзрослев, они не сильно изменились. На месте преступления полицейские обнаружили фотографию того самого класса. Лица убитых были перечеркнуты. Фабиан Риск учился в том же классе. Его сразу же привлекают к расследованию. Вскоре появляются новые жертвы – бывшие одноклассники. Фабиан начинает опасаться, что и ему самому грозит опасность. Однако, лихорадочно работая над делом, он не замечает самого главного, и за это ему придется жестоко поплатиться.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-982790-0

© Анхем С., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
1	9
2	12
3	16
4	19
5	24
6	28
7	32
8	34
9	37
10	40
11	44
12	47
13	53
14	55
15	61
16	67
17	68
18	73
19	76
20	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Стефан Анхем

Жертва без лица

Stefan Ahnhem

ÖFFER UTAN ANSIKTE

© Stefan Ahnhem 2015

© Серебро Е., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Через три дня

Ворона села ему на голый живот и вцепилась в него острыми когтями. Первые несколько раз, когда он просыпался от этого, ему удавалось прогнать птицу и заставить ее ослабить хватку. Но сейчас, похоже, пернатую будет не так легко отпугнуть. Ворона продолжала сидеть на нем и бесцеремонно топтать его лапами, становясь все более нетерпеливой и голодной. Еще немного, и она начнет клевать его, отрывая по кусочку. Он крикнул изо всех сил, и в конце концов птица разжала лапы и улетела, каркая и махая крыльями.

Сначала он думал, что ему снится кошмарный сон, и что стоит только проснуться, как все опять встанет на свои места. Но когда он все-таки открыл глаза, то не увидел ничего, кроме темноты, – глаза у него были завязаны.

Подул слабый теплый ветерок, и он понял, что находится на улице и голый лежит на чем-то твердом и холодном в позе Витрувианского человека с рисунка Леонардо да Винчи. Вот и все, что он знал. Остальное – одни сплошные вопросы. Кто положил его сюда? И зачем?

Он снова попытался высвободиться, но чем сильнее старался, тем глубже шипы от ремней впивались ему в запястья и лодыжки. Его пронзала острая боль, напоминая о мучениях, которые он испытал в девять лет: ему не удалось убедить зубного врача в том, что наркоз не подействовал.

Но это не шло ни в какое сравнение с той болью, которая приходила раз в сутки и чаще всего длилась по несколько часов. Она обжигала, как сварочное пламя, и медленно перемещалась по его голому телу. Иногда она внезапно прекращалась, чтобы так же внезапно вернуться. Иногда боль вообще не приходила. Он старался понять, что это – может быть, его время от времени пытаются, – но потом оставил эти напрасные попытки и сосредоточил все свои силы, стараясь выдержать боль.

Он определил, что, наверное, опять прошел час, и как можно громче позвал на помощь. Его поразило, какой жалкий звук он издает, и он закричал снова, постаравшись придать голосу большую силу и басовитость. Но в затихающем эхе услышал, как настойчиво пробиваются резкие нотки отчаяния. Он сдался. Его все равно никто не слышит. Никто, кроме вороны.

Он предпринял еще одну попытку восстановить ход событий, не зная, в который раз. Может быть, он упустил какую-нибудь маленькую деталь, которая могла бы дать ему ответы.

Утром он вышел из дома около шести; до начала смены оставался почти час. Он решил не брать машину – так он поступал всегда, как только позволяла погода: прогулка по парку, как правило, занимала не больше двенадцати минут, так что у него было полно времени.

Стоило ему выйти из дома, как он всем телом ощутил беспокойство. Причем так явственно, что остановился и обвел взглядом квартал, но не увидел ничего необычного. То есть ничего, кроме соседа, который упорно старался завести свой старый ржавый «Фиат пунто», и женщины с красивыми светлыми волосами, проехавшей мимо на велосипеде. Ее юбка развевалась на ветру, а велосипедную корзину украшали пластмассовые ромашки. Создавалось впечатление, что женщина села на велосипед только для того, чтобы подарить всем радость.

Но на него это совершенно не подействовало. Беспокойство завладело им, и, поглощенный тревогой, он перешел дорогу на красный свет, чего никогда не делал в обычной ситуации. Однако это утро было необычным. Он напрягся всем телом, как пружина, и, пройдясь немного по парку, отбросил сомнения.

За ним определенно кто-то шел по пятам. Судя по звуку шагов по гравию, человек был обут в кроссовки.

Он заметил, что прибавил шаг, и заставил себя идти медленнее.

Шаги становились все ближе, но он боролся с желанием бросить взгляд через плечо. У него участился пульс, по телу покатился холодный пот. Ему показалось, что он теряет сознание, и в конечном итоге он сдался и обернулся.

К нему направлялся мужчина, действительно, в кроссовках. Пара черных Reebok. Мужчина был одет в черную одежду с множеством карманов. На спине – набитый рюкзак, в руке – тряпка.

Но только когда мужчина поднял глаза и встретился с ним взглядом, он смог увидеть его лицо.

После этого все провалилось. От удара кулаком прямо в солнечное сплетение боль пронзила все нервные волокна. Он отчаянно пытался вдохнуть, опустился на колени и почувствовал, как к его лицу прижали тряпку.

Следующее воспоминание – он очнулся от того, что ему в живот вонзились когти.

Высоко над его головой одинокое облачко заслонило солнце. Спасение такое же мимолетное, как замок из песка. Когда облако наконец поплыло дальше и исчезло, небо стало совершенно голубым, каким оно бывает только в разгар шведского лета. Теперь солнце шпарило на линзу, размещенную таким образом, что она, в свою очередь, направляла лучи на точку рядом с распятым человеком. Об остальном заботилось вращение земли вокруг своей оси.

Последнее, что он услышал, – неприятное потрескивание собственных горящих волос.

Часть 1

30 июня – 7 июля 2010 года

Осенью 2003 года психолог Киплинг Д. Уильямс провел эксперимент: он подверг своих подопытных социальной обструкции посредством «Кибербола» – виртуальной игры, когда трое игроков передают друг другу мяч. Через какое-то время двое игроков стали перебрасывать мяч исключительно между собой. Третий, не зная, что играет с компьютером, сразу же почувствовал, что его исключили и забраковали. Чувство было настолько сильным, что магнитно-резонансная томография зафиксировала повышенную активность именно в той части мозга, которая отвечает за физическую боль.

1

Фабиан Риск проделывал этот путь бесчисленное количество раз. Но никогда раньше он не испытывал такой легкости и подъема, как сейчас. Они выехали рано утром, как и планировали, и смогли себе позволить спокойно пообедать в Гренне.

Уже тогда волнение из-за переезда стало проходить. Соня радовалась, почти что ликовала, и вызвалась сесть за руль на последнем отрезке пути через Смоланд, чтобы он смог выпить большую кружку крепкого пива с салакой. Все шло до такой степени гладко, что он поймал себя на мысли, что жена притворяется. Если уж совсем честно, в глубине души он сомневался, что можно на самом деле вот так просто взять и убежать от проблем и начать все сначала.

Реакция детей была ожидаемой. Матильда смотрела на переезд как на увлекательное приключение, хотя ей предстояло пойти в четвертый класс в совершенно новую школу. Теодор отнесся не так одобрительно и грозился остаться в Стокгольме. Но, похоже, после обеда в Гренне даже он решил дать судьбе шанс и, к всеобщему удивлению, несколько раз вынимал из ушей наушники и вступал в разговор с остальными.

Но лучше всего было то, что прекратились крики. Крики и вопли людей, которые молили о пощаде и просили сохранить им жизнь. Их голоса преследовали его последние полгода – и во сне, и почти все время наяву. Наконец они смолкли.

Первый раз он заметил это в районе Седертелье, но решил, что ему всего лишь кажется. И только когда они проехали Норрчепинг, он убедился окончательно. Голоса ослабевали с каждым километром, который они оставляли за собой. Теперь, когда они прибыли на место, проехав 556 километров, голоса смолкли окончательно.

Жизнь словно разделилась на «до» и «после». В «до» остался Стокгольм и события прошлой зимы. А теперь наконец – наконец-то! – наступил период «после», подумал Фабиан, вставляя ключ в замок их нового дома – английского таунхауса из красного кирпича на улице Польшегатан. Пока что он был единственным из всех членов семьи, кто побывал в доме, но он совсем не волновался по поводу мнения остальных. Как только он увидел, что дом продается, у него появилась уверенность, что здесь и только здесь они должны начать свою новую жизнь.

Польшегатан, 17, район Тогаборг, до города рукой подать, за углом – лес Польшескуг. Здесь он будет бегать по утрам и опять станет играть в теннис на корте. Если захочется на море, надо только спуститься вниз по улице Халалидбаккен – и ты на пляже Фриа бад, где он всегда купался в юности. В то время он мечтал жить именно в этой части города, а не в желтых жилых казармах в районе Дальхем. Теперь, тридцать лет спустя, мечта сбылась.

– Папа, чего ты ждешь? Почему молчишь? – спросил Теодор.

Фабиан очнулся от восторга и осознал, что его семья стоит на тротуаре и ждет, когда он возьмет мобильный телефон, который звонил у него в кармане. Достав телефон, он увидел, что это Астрид Тувессон, глава криминального отдела полиции Хельсингборга, его новый, или точнее сказать, будущий начальник.

Формально еще шесть недель он числится в стокгольмской полиции. С точки зрения непосвященных, он сам решил уволиться. Но вне всяких сомнений, большинство его бывших коллег знают, как на самом деле обстояло дело и что ноги его там больше не будет.

Мысль о шести неделях вынужденного отпуска начинала его привлекать. Он не мог вспомнить, когда в последний раз так долго отдыхал со дня окончания школы. Время покажет, хватит ли ему этих недель. Он планировал сначала не спеша обустроиться в новом доме. Потом заново познакомиться со своим родным городом, а затем, в зависимости от погоды и желаний, поехать куда-нибудь в теплые края. Ему надо избегать стресса. Обо всем этом Астрид Тувессон следовало бы знать.

И все-таки она позвонила.

Что-то случилось, и он уже собрался было ответить, чтобы узнать, что именно. Но они с Соней дали друг другу обещание. Этим летом они опять станут семьей и будут делить ответственность. Может быть, у нее даже хватит куража закончить последние картины к осенней выставке? К тому же наверняка в полиции Хельсингборга не все ушли в отпуск?

– Нет, подождет, – он положил мобильный обратно в карман, отпер дверь и впустил Теодора и Матильду – каждый хотел войти первым. – Будь я на вашем месте, я бы начал с сада! – Он повернулся к Соне, которая поднялась к нему на крыльцо с переносной колонкой в руке.

– Кто звонил?

– Ничего важного. Иди сюда, сейчас я покажу тебе дом.

– Это не...

– Нет, не это, – отозвался Фабиан. Но по глазам жены понял, что она ему не верит, и для пущей убедительности показал ей мобильный. – Это моя будущая начальница, она, наверное, просто хотела поздравить нас с новосельем. Идем. – Он взял динамик и провел Соню в дом, рукой закрыв ей глаза. – Тадам! – он отнял руку. Она обвела взглядом пустую гостиную с открытым камином и прилегающей кухней, окна которой выходили на маленький сад с задней стороны дома – Теодор и Матильда уже прыгали там на большом батуте.

– Ой. Это же совершенно... Совершенно потрясающе!

– Значит, ставишь зачет? Одобряешь?

Соня кивнула:

– А фирма-перевозчик сказала, когда они будут?

– Они только сказали, что приедут во второй половине дня ближе к вечеру. Но всегда есть надежда, что они припозднятся и явятся только завтра.

– Можно спросить почему? – спросила Соня, обняв его за шею.

– У нас есть все, что нужно. Чистый пол, свечи, вино и музыка. – Фабиан поставил динамик на кухонный стол, вставил в него свой старый поцарапанный «Айпод Классик» и включил «For Emma, Forever Ago» группы «Бон Ивер» – его любимый альбом на протяжении вот уже нескольких недель. Он поздно запрыгнул в поезд «Бон Ивер». При первом прослушивании диск показался ему скучным, но он дал ему второй шанс и тогда понял, что это настоящий шедевр.

Он обнял Соню и начал танцевать. Она засмеялась, изо всех сил стараясь двигаться в такт его импровизированным па. Он заглянул в ее каре-зеленые глаза, а она расстегнула заколку и распустила свои каштановые волосы. Тренинг, который ей назначил психотерапевт, определенно дал результат. Как физический, так и психический. Жена явно похудела на пять-шесть килограммов. Она никогда не была полной, скорее наоборот. Но черты ее лица стали более четкими, и ей это шло.

Он быстро закрутил ее в танце, и она упала в его объятия. Она опять засмеялась, и он понял, что ему очень не хватало ее смеха.

Они обсуждали самые разные варианты. Например, выехать из городской квартиры в районе Седра Шашун и приобрести дом в каком-нибудь ближнем стокахгольмском пригороде. Или даже купить маленькую квартиру, разъехаться и поочередно заботиться о детях. Но ни один из этих вариантов по-настоящему не годился. Оставалось только понять, то ли это от сильной боязни развода, то ли от того, что в глубине души они любят друг друга.

И только когда он нашел дом на улице Польшегатан, пазл сложился. Должность криминального инспектора в полиции Хельсингборга, свободные места в школе в районе Тогаборг и большое чердачное помещение со слуховыми окнами, которое идеально подходит для Сони как ателье. словно кто-то смилоствивилс над их судьбой и решил дать им последний шанс.

– А дети? Ты подумал, где они будут спать? – прошептала Соня ему в ухо.

– В подвале наверняка есть какая-нибудь комната, где мы их можем запереть.

Соня собралась ему ответить, но он не дал ей ничего сказать, поцеловал ее и опять стал танцевать. И тут в дверь позвонили.

– Они уже здесь? – Соня прервала его поцелуй. – Значит, будем ночевать в своих постелях.

– А я так мечтал о ночевке на полу.

– Но ведь пол остается? К тому же я сказала «ночевать», ничего другого. – Она коснулась губами губ мужа, провела рукой по его животу и засунула руку ему за пояс.

«Это пройдет, и мы будем жить счастливо до конца наших дней», – успел подумать Фабиан, прежде чем она вытащила руку и пошла открывать.

– Привет, меня зовут Астрид Тувессон. Я одна из новых коллег твоего мужа. – Стоявшая в дверях женщина протянула Соне руку. Другой рукой сдвинула солнечные очки вверх на светлые вьющиеся волосы, благодаря которым, а также цветастому платью, тонким загорелым ногам и босоножкам, выглядела на десять лет моложе своих пятидесяти двух.

– Вот как? Привет, – Соня повернулась к Фабиану, который подошел к ним и пожал Тувессон руку.

– Ты хочешь сказать, *будущий* коллега. Я выхожу на работу только шестнадцатого августа, – сказал Фабиан и заметил, что у нее нет мочки левого уха.

– Будущий *начальник*, если уж быть совсем точными, – гостя рассмеялась и поправила волосы так, что не стало видно уха. Фабиан невольно спросил себя, что это может быть: ранение или врожденный дефект. – Извини. Я действительно не хочу вам мешать в разгар вашего отпуска, и вы, должно быть, совершенно вымотались после дороги, но...

– Ничего страшного, – прервала ее Соня. – Входи, входи. Но, к сожалению, ничем угостить не сможем, поскольку все еще ждем наши вещи.

– Ничего страшного. Мне только на несколько минут нужен ваш муж.

Соня молча кивнула, и Фабиан провел Тувессон на террасу с задней стороны дома и закрыл за собой дверь.

– Я в итоге тоже сдалась и купила батут. Дети канючили несколько лет, а когда я его купила, они уже успели вырасти.

– Прости, но в чем дело? – у Фабиана не было ни малейшего желания посвящать отпуск светской беседе со своей будущей начальницей.

– Произошло убийство.

– Правда? Бывает. К сожалению. Не хочу вмешиваться, но не лучше ли тебе обратиться к тем коллегам, которые не ушли в отпуск?

– Йорген Польссон. Тебе знакомо это имя?

– Он жертва?

Тувессон кивнула.

Фабиан слышал это имя, но у него не было никакого желания пытаться понять, кто это. Меньше всего ему хотелось работать. Он почувствовал себя полностью заправленным нефтяным танкером, который только что захватили пираты и который вынужден сменить курс прочь от райского острова.

– Может быть, так ты лучше вспомнишь? – Тувессон показала файл с фотографией. – Это лежало на жертве.

Фабиан взял папку, посмотрел на фото и сразу же понял, что никакого райского острова не будет. Он узнал фотографию, хотя едва ли мог вспомнить, когда последний раз ее видел. Это было фото их класса в девятом классе. Последняя фотография, на которой все в сборе. Сам он стоял во втором ряду, а за ним по диагонали – Йорген Польссон.

Перечеркнутый черным фломастером.

2

Он пробыл в доме всего час, а потом в дверь позвонили. Конечно, он понимает, почему Тувессон предпочла обратиться к нему. Не сделать этого – все равно что совершить должностное преступление. А вдруг он помнит что-то, что сможет ускорить расследование, и в конечном итоге спасет несколько жизней. Но у Фабиана почти не осталось воспоминаний о средней школе и, честно говоря, не было ни малейшего желания воскрешать в памяти то время.

– Вон та белая «Королла», – сказала Тувессон, и Фабиан перешел за ней на другую сторону улицы. Она предложила отвезти его до места преступления и потом обратно домой, чтобы Соня могла спокойно разгрузить вещи из их машины. – Знаешь, я действительно ценю, что ты нашел время поехать со мной, хоть ты и в отпуске.

– Мой отпуск еще даже не начинался.

– Обещаю, это займет не больше пары часов. – Тувессон вставила ключ в замок и повернула его. – Машина запирается на центральный замок, но дверь заедает, так что потяни немного.

Фабиан распахнул дверь и увидел пассажирское сиденье, заваленное бумажными стаканчиками из-под кофе, начатыми пачками Мальборо, ключами, остатками еды, использованными бумажными полотенцами и пачкой тампонов.

– Извини. Подожди, я только... – Она сбросила все на пол, кроме ключей и сигарет. Фабиан сел, и Тувессон завела машину и выехала. – Можно, я сделаю затяжку? – Не успел Фабиан ответить, как она закурила и опустила стекло. – Вообще-то я бросаю. Знаю, так всегда говорят, и вместо того, чтобы болтать и обещать, надо делать. Я и сделаю. Только не сейчас. – Она глубоко затянулась, одновременно сворачивая на улицу Тогагатан.

– Ничего страшного, – ответил Фабиан, взглянув на фотографию своего класса и подчеркнутое лицо Йоргена. Почему он с таким трудом вспомнил, кто такой Йорген Польссон? Если уж кого и помнить, так именно Йоргена. Он никогда его не любил, и, может быть, этим всем объяснялось. Он просто-напросто вытеснил его из памяти. – Где его нашли?

– В школе в районе Фредриксдаль. Насколько я понимаю, он работал там учителем труда.

– К тому же он учился в этой школе в старших классах.

– Да, не все добираются аж до самого Стокгольма. Кстати, что ты о нем знаешь?

– Более или менее ничего. Мы никогда не общались. – Фабиан вспомнил шерстяные свитера Lyle Scott и Lacoste и как в класс вкатили телевизор и прервали урок, когда Стенмарк¹ должен был броситься со склона. – Если уж совсем честно, мне Йорген никогда не нравился.

– Да? А почему?

– Он был самым крутым в классе, и с ним было тяжело. Ну, ты знаешь, он делал, что взбредет в голову.

– У нас тоже был такой. Он мешал на всех уроках, отнимал у остальных подносы с едой и так далее. И никто не смел ему перечить. Даже учителя. – Тувессон втянула остатки никотина из сигареты и выкинула окурки в окно. – Это было в те времена, когда такое поведение не считалось диагнозом.

– К тому же он слушал только «Kiss» и «Sweet».

– А что в них плохого?

– Ничего. Наоборот. Но я понял это только несколько лет назад.

Фабиан вышел из машины и посмотрел на школу – двухэтажное здание из красного кирпича находилось за пустынным школьным двором. Из асфальта торчали два баскетбольных щита с рванными сетками, напоминая о том, что вообще-то это детская площадка. Он прошелся

¹ Ян Ингемарк Стенмарк, 1956 г.р., выдающийся шведский горнолыжник.

глазами по длинному ряду узких окон, похожих на тюремные. Теперь он с трудом представлял, как мог продержаться в этом здании три года, окончательно не сломавшись.

– Кто его нашел?

– Сначала позвонила его жена и заявила о пропаже, но тогда мы мало что могли сделать.

– А когда она позвонила?

– В прошлую среду. За день до этого он поехал в Германию за пивом для праздника середины лета и должен был вернуться в тот же день вечером.

– Покупать пиво в Германии? Это по-прежнему выгодно?

– Если покупать много. Сорок крон за упаковку. К тому же тебе возвращают деньги за билет на паром, если ты пробудешь там не больше трех часов.

Проделать весь путь до Германии только для того, чтобы доверху забить машину пивом. Чем больше Фабиан об этом думал, тем больше узнавал Йоргена, которого теперь начал вспоминать. Йоргена и, возможно, Гленна.

– Но он так и не доехал до Германии, так ведь?

– Нет, он там был. Мы свернулись с Эресуннским мостом – он вернулся, как и собирался, во вторник вечером. Но потом все следы теряются. Только вчера мы несколько продвинулись, когда стекольная фирма потребовала эвакуировать машину, которая не давала проехать их автовышке.

– Его машину?

Тувессон кивнула. Они завернули за угол и оказались на задней стороне здания. В двадцати метрах от них рядом с автовышкой была припаркована «Шева пикап». Прилегающий участок уже оцепили, и его охраняло двое полицейских в форме.

К ним подошел мужчина средних лет с редкими волосами, одетый в голубой одноразовый комбинезон. Очки были сдвинуты на кончик носа.

– Это Ингвар Муландер, наш криминалист, а это Фабиан Риск, который на самом деле в отпуске и приступит к работе только в августе, – сказала Тувессон.

– Вот как. Отпуском больше, отпуском меньше. Какое это имеет значение, когда у нас такое расследование? Что скажешь? – Муландер сдвинул очки на самый кончик носа и оглядел Фабиана, одновременно подавая ему руку.

– По крайней мере, мне немного любопытно, – улыбнулся Фабиан и пожал мужчине руку.

– Совершенно верно. Ты не разочаруешься, обещаю.

– Ингвар, он только глянет одним глазком.

Муландер посмотрел на нее так, что Фабиан, хоть и невольно, почувствовал, как в нем просыпается интерес. Муландер провел их в здание школы и выдал им комбинезоны.

– Пожалуйста, проходите.

Фабиан оказался в школе первый раз за почти тридцать лет. Все было точно так, как он запомнил. Красные кирпичные стены в коридорах и звукопоглощающие плиты на потолке, напоминающие спрессованный мусор. Здесь, в самом дальнем коридоре, находился кабинет труда. Этим предметом он совершенно не интересовался, пока не понял, что можно самому делать скейтборды. В конце четверти он нагрел, согнул и выпилил столько оргалитовых плит, что сумел продать их и скопить на пару настоящих «Tracker Trucks».

– Добро пожаловать на место убийства, которое с легкостью попадет в десятку самых страшных из всех, что мне доводилось видеть. – Муландер открыл Фабиану и Тувессон дверь. – К счастью, преступник включил кондиционер на самую низкую температуру. Иначе бы это место вошло в пятерку, ведь тело пролежало здесь больше недели.

В кабинете труда было по-настоящему холодно. Фабиану показалось, что он попал в холодильник, хотя градусник показывал 12-13 градусов выше нуля. В помещении работало еще три человека в комбинезонах – они делали снимки, осматривали и собирали технические доказательства. К хорошо знакомому запаху дерева и древесной стружки примешивалась спертая

сладковатая вонь. Фабиан подошел к телу Йоргена Польссона, неподвижно лежавшему в большой луже высохшей крови прямо рядом с дверью. Защелка и дверная ручка запачканы кровью. На большом натренированном теле – потертые просторные джинсы и белая окровавленная майка.

Фабиан не помнил, чтобы Йорген был таким большим. Сильный и наглый, но не большой. Теперь, наверное, он был силен как бык. И все же преступнику удалось отпилить ему кисти обеих рук в татуировках. Глядя на окровавленные культи, Фабиан с трудом представлял, какую чудовищную боль испытывал Йорген. И почему именно кисти рук?

– Как видите, судя по кровавым следам на полу, жертва добралась от столярного станка вон там до двери, в которую вы вошли, – стал объяснять Муландер. – Дверь была не заперта, но он не знал, что с другой стороны ее забаррикадировали партами, стульями и столами. Тогда он дополз до другой двери и попытался выбраться через нее. Но легко ли повернуть защелку, если у тебя нет рук?

Фабиан осмотрел окровавленную защелку.

– А вы успели обследовать замок? – спросила Тувессон.

– Заклеен суперклеем, и вот результат, – Муландер взял медицинские щипцы и приподнял верхнюю губу Йоргена – передние зубы были полностью стерты.

– Значит, он попытался повернуть защелку ртом? – спросила Тувессон.

Муландер кивнул:

– Инстинкт самосохранения. Сам бы я наверняка умер, сохранив зубы.

– Я не понимаю. Ведь он же оказывал сопротивление? – задала вопрос Тувессон.

– Хороший вопрос. Может быть, оказывал. А может быть, его накачали наркотиками.

Кто знает? Посмотрим, что выяснит Коса.

– А сколько времени это продолжалось?

– Часа три-четыре, – Муландер подвел их к другому столярному станку, тоже запачканному кровью. – Вот этим зажимом убийца закрепил ему руки, а этой ножовкой распилил запястья, – он показал медицинскими щипцами на брошенную на пол окровавленную пилу.

– Кстати, а вы не проверили стекольную фирму, которая позвонила и потребовала эвакуировать машину? – спросил Фабиан.

Тувессон посмотрела на него:

– Что? Ты хочешь сказать, что они могут быть причастны?

– Если хотите знать мое мнение, тот, кто это сделал, ничего не пускает на самотек.

Тувессон и Муландер переглянулись и кивнули.

– У меня есть их номер, – Тувессон достала свой мобильный, набрала номер и включила телефон на громкую связь. Раздались гудки, которые сменились сообщением «Неправильно набран номер». – Похоже, ты прав. Нам надо проверить, кто нанял автовышку, а ты, Ингвар, потом пойдешь по этому следу.

Муландер кивнул.

– Что насчет кистей рук? – продолжила Тувессон.

– Мы их по-прежнему ищем.

Тувессон кивнула и повернулась к Фабиану.

– Ну что? Что скажешь? Ничего на ум не приходит?

Фабиан обвел взглядом столярный станок, окровавленную ножовку, следы крови на полу и тело с отпиленными кистями рук. Встретившись глазами с Тувессон и Муландером, покачал головой:

– К сожалению, нет.

– Совсем нет? Ни малейшего представления о том, может ли это быть кто-то из одноклассников и почему жертвой оказался именно Йорген Польссон?

Фабиан покачал головой.

– Ну ладно, во всяком случае, мы попытались. – Тувессон направилась к выходу. – Но если тебе что-нибудь придет в голову, что угодно, обещай позвонить мне или зайти в полицию. О'кей?

Фабиан кивнул и вышел вслед за ней из кабинета труда. Его не отпускал вопрос, который так и не даст ему покоя, пока он не найдет на него ответ.

Почему именно кисти рук?

18 августа

Пишу в тебе первый раз, хотя мама подарила мне тебя еще на позапрошлом Рождество. Она сказала, что всегда хорошо записать, чтобы не забыть, и вот я пишу. Вчера я убрал свою комнату и набил мусором целый черный мешок. Мама очень обрадовалась, а я нашел дроида С-ЗРО, который потерялся больше года назад.

Сегодня все вернулись в школу. Все, кроме Хампуса. Все радовались новой классной комнате и новым книгам. Только не я, потому что теперь моя очередь, и все началось уже на математике. Они смотрели на меня, хотя я ничего не сделал. Я только пытался вести себя, как обычно, будто ничего не замечаю. Но они просто продолжали пялиться, и я знаю, что это значит. Все знают. Я знал, что так и будет. Знал это все время. Когда Хампус сказал, что переезжает, я сразу же понял. Хотя надеялся, что ошибаюсь, но не ошибся. Все лето я только и думал об этом.

На английском я сел за самую первую парту, чтобы не видеть, как они пялятся. Хотя знал, что они делают это все время, да еще бросают бумажки. Но я делал вид, что ничего не замечаю. Я ни разу не обернулся. Ни единого раза.

Йеспер прочел одну из бумажек. Там было написано, что я урод и плохо пахну. Обычно я всегда очень тщательно моюсь, а последний год вообще пользуюсь дезодорантом, чтобы не пахло потом, но мама сказала, что у всех пахнет. Попытался проверить – а вдруг от меня пахнет. Вроде нет. Но я знаю, что я урод. Урод уродом.

P.S. Завтра Лабану исполняется год, куплю ему специальное колесо, новую бутылку для питья и новые опилки.

3

Когда Фабиан вернулся домой, грузчики как раз заносили в дом их пожитки. Заглянув в трейлер, он увидел, что они успели выгрузить чуть больше половины. Оставалась груда картонных коробок, старые торшеры, хоккейные клюшки, перепачканные икеевские диваны, овальный стол с копиями стульев «Муравей»², старый «толстый» телевизор, который стоял в комнате Теодора и который тот никогда не смотрел, беговые лыжи, велосипеды, несколько ламп, шкаф с треснувшим стеклом и куча набитых доверху черных мешков.

И это все, что он успел нажить за свои сорок три года? Несколько потертых диванов и пыльные абажуры. Фабиану захотелось попросить рабочих больше ничего не выгружать, а отвезти все на свалку.

Словно бы он только что купил новый дорогой компьютер и первым делом перенес туда все старые файлы со всеми вирусами. А он хочет начать с чистого листа. Раз в жизни плюнуть на деньги и купить все новое. Вскрыть полиэтиленовую упаковку и вдохнуть запах новой вещи.

Он кивком поздоровался с грузчиками, которые выгружали одну из подаренных ему на двенадцатилетие старых тумбочек для письменного стола цвета авокадо. Последние двадцать лет эти тумбочки провели на чердаке. Похоже, тумбочка немало весит, – ее переносили двое. Что же в ней такого тяжелого? Он задумался над тем, что лежит в ящиках, и не смог вспомнить, когда открывал их в последний раз.

Спустя час после того, как он помог Соне вынуть все из ящиков с кухонными принадлежностями, он вспомнил, что лежало в тумбах, и сразу же захотел на это посмотреть. Соня отправила их в подвал. Спускаясь туда, Фабиан понял, что до сих пор ни разу не был там – в помещении, которое каждый серьезный потенциальный покупатель должен посетить в первую очередь.

Сам он полностью доверился риелтору, который гарантировал, что дом в превосходном состоянии. *Превосходном*. Словно это пациент, выздоровевший после тяжелой болезни. Но Фабиан совсем не беспокоился. Он покупал старый дом с толстыми кирпичными стенами и естественной тягой, а не эти тесно прилегающие друг к другу новостройки в Мариастадене, или Плесень-стадене, как теперь в народе стали называть тот район.

С бывшим владельцем дома он тоже так и не встретился. Отто Пальдински, явно настоящий педант, заботился о доме, как о собственном ребенке, все тридцать лет, что прожил здесь со своей семьей. *По причинам личного характера* он хотел совершить сделку как можно скорее и был готов значительно снизить цену, что, по мнению риелтора, было равнозначно выигрышу в лотерею. Второго такого шанса не будет.

Надо признать, что Фабиана не пришлось долго уговаривать. Но он не переставал думать о том, что на самом деле означают *причины личного характера*. Он даже спросил об этом риелтора, но тот ответил, что не имеет привычки вмешиваться в частную жизнь своих клиентов и элегантно перешел к тем преимуществам, которыми эти причины обернулись для Фабиана как для покупателя. Фабиан принял ответ, улыбнувшись и кивнув, и решил больше в это не углубляться.

Фабиан направился прямо к тумбочке цвета авокадо, выдвинул самый верхний ящик и сразу же нашел то, что искал, – школьный альбом девятых классов. Сев на тумбу, нашел свой класс и ту самую фотографию, которую преступник оставил после себя на месте убийства, с той только разницей, что ни одна голова не была перечеркнута.

Самая точная примета времени – прически. 1982 год. В то время все так ходили. Сет Корхеден с редкими усиками, Стефан Мунте и Никлас Бекстрем, которые жили в его дворе

² Название модели стула, разработанного датским дизайнером Арне Якобсеном в 1952 г.

и так же, как и он, были помешаны на скейтборде. Не говоря уже о Лине с ее белокурыми кудрями. Даже Йорген, похоже, расчесал волосы на прямой пробор. Они выглядели, как компания настоящих ботаников. Особенно он сам в заправленной рубашке, брюках с завышенным поясом и подстриженными в домашних условиях волосами, которые отказывались лежать, как положено.

Его поразило, что он не общался ни с кем из своих одноклассников с тех пор, как переехал в Стокгольм. Даже с Линой. Будто сложил свое детство и юность в картонную коробку и оставил их в Хельсингборге, где те так и простояли все эти годы, забытые и оплетенные паутиной.

До сегодняшнего дня.

– Так вот где ты прячешься!

Фабиан вздрогнул и увидел перед собой Соню.

– Извини, я не хотела тебя пугать.

Он захлопнул альбом, словно его застали с поличным.

– Я просто не слышал, как ты вошла.

– Как насчет того, чтобы сделать перерыв и пойти поесть пиццу или что-нибудь в этом роде? Дети страшно голодные.

Фабиан отложил альбом и встал.

– Отличная идея. Всего в нескольких кварталах отсюда есть, или, по крайней мере, была, прекрасная пиццерия. – Он повернулся и пошел к лестнице, но Соня взяла его за руку.

– Дорогой, с тобой все в порядке?

Фабиан оглянулся и кивнул, но по ее глазам увидел, что она ему не верит.

В пиццерии «Тогаборг» каждый из них взял по пицце, а потом они спустились вниз на набережную и сели на нагретую солнцем стену с видом на пролив и Данию. Красиво. Гораздо красивее, чем он помнил. Набережную расширили, и теперь по ней гуляли люди, наслаждаясь легким вечерним бризом. Ближе к пляжу «Фриа бад» раздевалки перестроили в рестораны, а старое железнодорожное полотно заменили травяным покрытием с зоной для боулинга и мангалами. Еще дальше виднелись пальмы, которые поставили во время Ярмарки жилья в 1999 году. С тех пор, как понял Фабиан, это стало традицией, и некогда маленький заброшенный пляж превратился в один из самых популярных пляжей Хельсингборга под названием Tropical Beach³. Ему показалось, что он вернулся домой в совершенно новый город.

– В жизни не ела такой вкусной пиццы! – воскликнула Матильда, и Фабиан был готов с ней согласиться. Он тоже никогда не ел более вкусной пиццы.

Они сидели и смотрели на паромы, курсирующие между Хельсингборгом и Хельсингером. Замок Кронборг в Хельсингере – живое доказательство того, что теперь они находятся ближе к Европе. Фабиан пообещал самому себе больше никогда ни на метр не двигаться в сторону севера и повернулся к Теодору, который пустым взглядом смотрел на пролив.

– А как твоя пицца? Тоже самая вкусная в твоей жизни?

– Нет, но вполне ничего.

– Четыре или пять?

– Три с плюсом.

– Тогда попробуй мою. Минимум шесть баллов, – сказала Матильда, протягивая ему порцию.

Теодор откусил приличный кусок и кивнул:

– О'кей, могу поставить четыре балла. Но не больше.

– Боже, ну ты и жадина. Правда, мама?

³ Тропический пляж (англ.).

Соня кивнула и встретилась глазами с Фабианом. Он делал все, чтобы никто ни о чем не догадался, и она пока не спрашивала, что было нужно Тувессон. Но, без сомнения, поняла: что-то не так. Как обычно, она видела мужа насквозь, несмотря на его жалкие попытки быть здесь и сейчас. Но именно в этот вечер жена решила подыграть ему и притвориться, что они просто спокойно сидят на прогретой стене прогулочной набережной и наслаждаются красным вечерним солнцем и звуком волн, которые плещутся о камни.

Той ночью они любили друг друга именно так, как он мечтал в машине на пути сюда.

На полу.

С вином и при свечах.

For Emma, Forever Ago...

4

Фабиана и Соню разбудила Матильда, которая заползла на них, не понимая, почему они спят на полу в гостиной. Они вместе выдумали объяснение – мол, чтобы спать в кроватях в спальне, их надо привести в порядок. Даже Теодор спустился вниз и помог накрыть на террасе, пока Соня и Матильда сбежали в супермаркет купить что-нибудь к завтраку, который они все вместе с наслаждением съели на утреннем солнце. Не хватало только свежей газеты, которую, как утверждала Соня, она забыла купить.

– Что сегодня будем делать? – спросила Матильда.

– Будем продолжать распаковывать вещи и...

– Приведем в порядок кровати! Чтобы вам не надо было спать на полу!

– Да, и это тоже, – рассмеялась Соня. – И еще я подумала, что после обеда мы можем пойти купаться.

– Дааа!

– Папа, давай тогда сначала съездим в магазин за трубкой и маской, – предложил Теодор.

– Увы, будете купаться без меня.

– Что? А почему? – воскликнула Матильда. – Ведь у тебя же отпуск?

– Да, но папе надо кое-что сделать, – сказала Соня. – Ему из-за этого так же грустно, как и нам. Остается только надеяться, что это не займет много времени. – Он встретился с ней взглядом и понял, что в магазине ей попала на глаза газета.

Фабиан зашел в недавно построенный полицейский участок. Оно было белого цвета и находилось совсем рядом с трассой Е4 и всего лишь в нескольких шагах от старой похожей на замок тюрьмы в районе Берга. Он подошел к мужчине, сидевшему за стойкой регистрации. На стойке лежали газеты «Хельсингборгс Дагблад», «Квельспостен», «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет».

УЧИТЕЛЬ ТРУДА ЗАМУЧЕН ДО СМЕРТИ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Типичный заголовок для вечерней газеты «Квельспостен». Соня узнала отсюда? «Хельсингборгс Дагблад» выбрала не такую резкую формулировку, но примерно то же фото, что и «Квельспостен». На обоих фото, сделанных с большого расстояния, были засняты автовышка и машина Йоргена, припаркованная перед зданием школы. Конечно, регистрационные номера машины закрашены, но по кроваво-красному зданию с длинным рядом тюремных окон совсем нетрудно понять, о какой школе идет речь. А много ли в школе учителей труда?

Фабиан представился и объяснил, что вообще-то он выйдет на работу не раньше середины августа, но Тувессон подключила его к расследованию дела об убийстве учителя труда еще накануне, сказав, что в случае чего он может просто зайти. Рецепционист, мужчина лет тридцати в полицейской форме, начал стучать по клавишам. Фабиану показалось, что стрижка мужчины наводит на мысль о Германии тридцатых, и он не мог не восхититься его прямой осанкой.

– Извините, как вас зовут?

– Риск. Фабиан Риск. Но, наверное, меня нет в базе. Как я уже сказал, я приступаю к работе только в августе.

Рецепционист проигнорировал его и стал терзать мышь, задавая различные команды, пристально глядя на экран и все сильнее нервничая.

– Сожалею, но я не могу вас найти.

– Я об этом и говорю. Но если вы позвоните Тувессон, то...

– У Астрид Тувессон оперативка, и она не любит, когда ей мешают.

– Это именно та оперативка, на которой я должен быть. Она наверняка сейчас сидит и ждет меня, – соврал Фабиан и понял, что напрасно злится. – Может быть, мне ей позвонить?

– Не мне решать, кому вам звонить. Но готов поспорить, что она не возьмет трубку. Она всегда так делает, когда у нее совещание.

Фабиан знал, что мужчина скорее всего прав. Он уже пытался дозвониться до коллеги, но безрезультатно.

– Как тогда быть? Мне надо войти.

– Не знаю. Не спрашивайте меня. Понятия не имею. Я ведь не могу пускать кого угодно и как угодно. Разве не так? Сами подумайте, что тогда будет.

– Наверное, это Фабиан Риск, – раздался женский голос у него за спиной.

Фабиан обернулся и увидел стройную подтянутую женщину лет тридцати пяти. Женщина была одета в клетчатую рубашку с короткими рукавами и потертые джинсы, отрезанные до колена. Темные волосы коротко подстрижены, в одном ухе минимум двадцать сережек.

– Туван сказала, что ты наверняка будешь стоять здесь и пытаться войти, если она правильно тебя поняла. Я думала, ты приступишь только в августе.

– Я тоже так думал, – ответил Фабиан, гадая, сколько Тувессон удалось о нем разузнать.

Они пожали друг другу руки.

– Ирен Лилья.

– Может быть, тебе удастся убедить вот этого мужчину впустить меня?

– Его нет в списке, а я получил подробную инструкцию ни при каких обстоятельствах не впускать того, кто не...

– Все в порядке. Он войдет со мной, а я попрошу внести его в список. – Лилья кивнула Фабиану, и он прошел за ней через запертую стеклянную дверь и дальше к лифту.

– Тебе повезло, что я припозднилась. Флориан обычно ревностно относится к своим обязанностям.

Они вошли в лифт.

– Ну что? Тебе что-нибудь пришло в голову?

– Нет, к сожалению.

– Тогда что ты здесь делаешь? Насколько я понимаю, ты только что сюда переехал и у тебя масса дел.

Фабиан стал придумывать ответ, но тут двери лифта открылись.

Лилья провела Фабиана в комнату для совещаний – просторное помещение с панорамным видом на Хельсингборг, Эресунн и всю дорогу до Дании. Посреди комнаты стоял овальный стол, а стены с подсветкой служили одновременно грифельными досками и экранами для встроенных в потолок проекторов. Фабиан никогда не был в таких продвинутых переговорах. Сам он привык проводить совещания в комнатах без окон и вентиляции.

– Нет, он не вычислил, кто преступник, так что дышите спокойно, – объявила Лилья.

– Мне бы хотелось послушать, к чему вы пришли, и немного посидеть с вами. Можно? – спросил Фабиан.

– Конечно. Естественно. Проходи, садись, – сказала Астрид Тувессон и представила его остальным членам группы.

Помимо Астрид Тувессон, Ирен Лильи и Ингвара Муландера в группу входил Сверкер Хольм по прозвищу Утес, мощный мужчина за пятьдесят.

– Придется обойтись без Хуго Эльвина. Он только что уехал в Кению и вернется лишь через месяц.

– Кения, – пробормотал Утес. – Так вот куда надо ехать, чтобы отдохнуть. – Он повернулся к Фабиану. – Фабиан. Ведь тебя так зовут? – Фабиан кивнул. – Предупреждаю тебя. Стоит тебе сесть на этот стул, как придется забыть об отпуске. Если тебе нужен отпуск, поезжай

в Кению. Или еще куда подальше. Самому мне приходится довольствоваться домом родителей жены на острове Костер, и вот я здесь. – Утес развел руками.

– Ты сам решил прервать отпуск и выйти на работу, за что, кстати, я тебе страшно благодарна, – заметила Тувессон и повесила на стену фотографию Йоргена Польссона над фотографиями с места убийства.

– Что тут решать? Ты что, думаешь, я могу лежать на пляже и ковыряться в пупке, когда преступник, способный на такое, на свободе?

– Ты ведь все равно всегда жалуешься на этот дом и говоришь, что находиться там скорее работа, чем отдых, – вставила Лилья.

– Ясно, что мне в сто раз лучше с моей семьей, чем здесь, и, черт возьми, надо запретить совершать серьезные преступления во время моих отпусков.

– Тогда вноси предложение об изменении законодательства, – Тувессон своим тоном дала понять, что болтовня окончена. – Фабиан, тебе не надо волноваться. Как бы я ни хотела, я не могу отменить твой отпуск, поскольку ты получил его за работу в Стокгольме.

Фабиан кивнул и сел.

– Только не говори потом, что я тебя не предупреждал, – заметил Утес.

– Извините, можно вопрос? Вы случайно не нашли отпиленные кисти? – спросил Фабиан.

– Мы как раз обсуждаем это, – Тувессон кивнула Муландеру, который встал и нажал на кнопку пульта. На потолке зажегся проектор, и на экране появилась фотография двух отпиленных кистей рук, лежащих на окровавленном полу из белой кафельной плитки.

– Фото сделано в душевой для мальчиков, которая примыкает к физкультурному залу.

– Это та же школа? – спросил Утес.

Муландер кивнул.

– А вы начали составлять психологический профиль преступника? – поинтересовался Фабиан.

– Ну, что я говорил? – сказал Утес. – Он уже включился в работу, и, как пить дать, сам даже не осознает этого.

– Пока нет, – взяла слово Тувессон. – Много говорит о том, что мы имеем дело с наихудшим типом преступника: псих-одиночка, который хочет что-то сказать, у которого есть план действий и который к тому же достаточно сообразителен, чтобы этот план осуществить.

– А откуда такая уверенность, что он или она действует в одиночку? – спросила Лилья, наливая себе кофе.

– Тут все доведено до крайности, – Тувессон показала на фотографии с места убийства. – И вместе с тем слишком хорошо спланировано и выполнено, чтобы речь шла о нескольких людях. Когда такое безумное преступление совершает группа, это почти всегда минутный порыв под сильным воздействием наркотиков. Такие преступники допускают ошибки и оставляют после себя целый ряд следов и технических улик. Здесь все сделано без ошибок. Не найдены ни отпечатки пальцев, ни волоски. Ничего. К тому же, Фабиан, ты правильно сказал о стекольной фирме. Ее не существует, а автовышку на самом деле арендовала строительная фирма Reab, которая понятия не имела о том, что ее у них угнали. Иными словами. Убийство Йоргена Польссона – не несчастный случай; оно было хорошо спланировано вплоть до мельчайших деталей: где оно произойдет, как будет выполнено и когда обнаружится.

– Остается только спросить: почему? – подал голос Муландер.

– Да, хороший вопрос, – отозвалась Лилья. – Почему кому-то отпиливают кисти рук?

– Может быть, он что-то украл? – предположил Утес. – По законам ислама так наказывают за кражу.

– Ты думаешь, преступник – мусульманин?

– А почему бы и нет? – сказал Утес и указал на фото класса. – Вот у этого вполне мусульманский вид. Что скажешь, Фабиан? – он протянул фото Фабиану. – Ты его помнишь?

Фабиан кивнул:

– Яфаар Умар. Мы звали его Яффе. Классный парень, самый веселый в классе. Мог шутить обо всем на свете.

– Похоже, это не наш случай, – сказала Лилья.

– Обычай отрубать руки существует у нескольких народов, – вмешался Муландер. – Взять хотя бы войну в Руанде. Там отрубали руки военнопленным, чтобы они больше не могли сражаться.

– Там отрубали руки целым деревням, – подхватил Утес. – Мужчинам, женщинам и детям, только чтобы они не смогли оставить отпечатки пальцев на бюллетенях для голосования.

– При чем здесь отпечатки пальцев? – удивилась Лилья. – Ведь голосуют анонимно.

– Да, но чтобы в принципе получить бюллетень для голосования, ты должен был удостоверить свою личность, и делалось это с помощью отпечатков пальцев.

Фабиан не верил, что это убийство – наказание за кражу по законам ислама. Насколько он помнил, Йорген Польссон не был замечен в воровстве. Трудный подросток, но склонности к воровству у него вроде не наблюдалось. Вопрос заключался в том, что это могло значить. Отпиленные руки, которые положили в душевую. Без сомнения, убийца хотел этим что-то сказать.

– Риск. О чем ты думаешь?

Фабиан поднял голову и увидел вопросительный взгляд Тувессон.

– Что хотел сказать преступник? Имеет ли значение, что убийство Йоргена было совершено на его рабочем месте, или это чистая случайность, что он работал в той же школе, где учился?

– Ты считаешь, это мог сделать какой-нибудь ученик?

– Не знаю. Или учитель. Кто-то, над кем он насильничал.

– Насильничал? Что ты хочешь сказать? Насиловал? – уточнил Утес.

– Тогда бы ему отпилили не руки, – заметила Лилья.

– И еще, – продолжил Фабиан, сам удивляясь, откуда он взял это «насильничать». – Если Йорген Польссон действительно проехал по мосту через Эресунн, это должна была заснять камера наблюдения. Разве нет?

– Мы знаем, что он проехал по мосту, – сказал Утес, протягивая распечатку. – Вот точное время заезда на пункт оплаты рядом с Лернаккенем и выезда из него.

– Но, с другой стороны, получить фото для подтверждения не помешает. Если у тебя есть желание, можешь смело к ним обратиться, – сказала Тувессон.

– Конечно, давайте, – отозвался Фабиан и понял, что Утес полностью прав. Мысль об отпуске казалась все более и более далекой.

– Утес и Ирен. Постарайтесь установить личности бывших учеников этого класса и собрать о них максимум сведений, не обращая к ним самим. Поскольку преступник может быть одним из них, я хочу, чтобы мы, по возможности, не посвящали в расследование посторонних, пока не узнаем больше. Хорошо?

Лилья и Утес кивнули.

– А как быть с Фабианом? – спросила Лилья. – Ведь он тоже учился в этом классе.

Остальные повернулись к Фабиану.

– Я сама им займусь, – сказала Тувессон.

– О'кей, – Лилья старалась не смотреть Фабиану в глаза.

– Еще у нас есть жена жертвы, – продолжил Утес. – Или вдова. Кто с ней свяжется?

– Ты имеешь в виду Лину Польссон? – уточнила Тувессон.

– Лину? Ее зовут Лина? – переспросил Фабиан. Тувессон кивнула. – Тогда, наверное, это она, – он показал на девочку – блондинку с завитыми волосами, стоящую рядом с пере-

черкнутым Йоргеном. – Они были вместе еще в то время. Невероятно. Если хотите, могу с ней связаться.

– Да уж я думаю, – сказал Утес, посмотрев на фотографию. – Настоящая красotka. – Он похлопал Фабиана по плечу.

– То, как они все выглядели тогда, и как выглядят сейчас – разные вещи, – заметил Муландер. – К сожалению.

– Не обязательно: посмотрите на Фабиана, – возразила Лилья.

Остальные рассмеялись, собрали свои бумаги и вышли из комнаты. Все, кроме Тувессон.

– Не знаю, что ты там себе думаешь. Но если у тебя есть желание помочь следствию, я, конечно, буду очень благодарна. Если ты предпочтешь отдых с семьей, я тоже тебя пойму. Так что выбор целиком и полностью за тобой.

– Я с удовольствием помогу, – сказал Фабиан, думая о том, насколько Тувессон неправa.

Какой у него может быть выбор, когда произошло такое? Он не первый раз занимается делом, в котором преступник тщательно подготовился. Но это случай особый. Одного из его бывших одноклассников жестоко убили и нашли спустя несколько суток именно в тот день, когда он сам с семьей приехал в город. Конечно, это могло быть случайностью. Но что-то подсказывало ему, что это так же мало похоже на случайность, как и отпиленные руки.

– Отлично. Хочу только, чтобы ты уяснил одно. – Она встретила с ним взглядом. – Не знаю, как вы обычно делаете в Стокгольме. Но мы здесь одна команда и работаем все вместе, и тебя это тоже касается.

Фабиан кивнул.

– Хорошо. Зарплату мы уже обговорили, так что мне остается только дать указание, чтобы тебе начисляли ее с сегодняшнего дня.

– И, пожалуйста, внеси меня в систему, чтобы этот Флориан меня пропускал.

– Естественно. К тому же тебе выдадут пропуск. По понятным причинам, мы не привели в порядок твое рабочее место, но пока садись на место Хуго Эльвина. Как я уже сказала, его не будет несколько недель. Пойдем, я тебе покажу.

Фабиан пошел вслед за Тувессон по отделу, но не слышал ни единого ее слова. Его мысли были далеко. С того момента как он узнал об убийстве Йоргена Польссона, в его подсознании что-то зрело и никак не могло сформироваться. Это произошло теперь, на совещании. Он не случайно употребил слово *наильничал*. Воспоминания о школьных годах стали проясняться, усиливая чувство, которое он испытывал с тех пор, как к нему обратилась Тувессон.

Чувство, что Йорген Польссон получил по заслугам.

5

Сначала Лина Польссон даже не поняла, кто он. Хотя он представился, назвав свое полное имя и напомнив, что они учились в одном классе в средней школе, ей это ничего не сказало, так что Фабиан сам стал сомневаться, та ли это Лина из класса. И только когда он представился как Фаббе, до нее все дошло, и она сразу же пригласила его домой на кофе в тот же день в час дня. Таким образом, у него хватит времени обустроиться на новом месте и связаться с Эресуннским мостом.

Рабочий стул Хуго Эльвина выглядел, как передовой эксперимент из будущего: из него торчало множество ручек и регуляторов, что отнюдь не прибавляло стулу красоты. Сидеть на нем было неудобно, и Фабиан принялся крутить ручки, одновременно объясняя свое дело диспетчеру Эресуннского моста. Его переключили на нужного человека, и пока шли гудки, ему удалось найти идеальное положение стула. Он все время гадал, какое же у Хуго Эльвина телосложение.

– Так это ты новый Курт Валландер⁴? – неожиданно спросила женщина на другом конце провода, и Фабиан, не успев понять, что гудки прекратились, пояснил, что Валландер был криминальным комиссаром, а не инспектором. Если он вообще существовал, хотелось ему добавить. – Послушайте, вы действительно такие жутко умные?

Через пять минут Фабиан сумел взять инициативу в свои руки и стал задавать женщине вопросы. Она рассказала, что все транспортные средства, которые едут через пункт оплаты в Лернаккене, снимаются на две камеры. Одна спереди, чтобы были видны регистрационные номера, а другая сверху, чтобы измерить длину транспортного средства. Все это делается с целью правильно рассчитать стоимость билета и иметь доказательство в случае исчезновения машины с места происшествия.

Фабиан рассказал, что его интересует «Шева пикап» с регистрационными номерами BJY 509, которая должна была проехать пункт оплаты на пути в Данию во вторник 22 июня около половины седьмого утра и вернуться в тот же день вечером в восемнадцать минут двенадцатого. Женщина пообещала найти фото и спросила его мейл. Фабиан, у которого еще не было своего, дал ей мейл Тувессон, поблагодарил за помощь и вышел из участка.

Лина Польссон продиктовала ему свой адрес, и навигатор, попросив его свернуть в сторону Эдокры, направил его через коттеджный поселок, похожий на все другие подобные поселки, до улицы Тегатан, где Фабиан остановился у дома номер 9. Он вышел из машины и направился к двухэтажной вилле, сложенной из такого же красного кирпича, что и школа во Фредриксдале. Йорген и Лина... Фабиан не мог понять, как им удалось продержаться вместе больше тридцати лет. Когда-то он не сомневался, что их отношения не продлятся и учебной четверти.

Фабиан нажал на кнопку дверного звонка и вспомнил самый первый раз, когда позвонил в ее дверь. Он учился в четвертом классе. Не решившись остаться у двери, он прятался этажом выше, пока ему не открыл ее отец.

С того дня он звонил в ее дверь каждое утро, и они вместе шли в школу, что было для него кульминацией дня. Во время этой прогулки она принадлежала одному ему. Они болтали и смеялись, и он делал все, чтобы они шли как можно медленнее и как можно дольше.

Утес прав. Лина была самой красивой девочкой в классе. «Интересно, а сейчас она такая же красивая?» – думал Фабиан, пока ему открывали дверь.

⁴ Герой книг шведского писателя Хеннинга Манкелля.

На пороге стояла крупная, можно сказать, толстая женщина в свободном коричневом платье. Волосы с седыми корнями были выкрашены в черный цвет. Женщина выглядела усталой и измученной. «На вид ей больше ее сорока трех», – первым делом подумал Фабиан, признавая, что Муландер тоже прав.

– Наверное, вы Фабиан Риск, – сказала она. Фабиан кивнул, и они пожали друг другу руки. – Агнета, кухня Лины. Мы дежурируем у нее по очереди, чтобы она не оставалась одна. Проходите.

Фабиан вошел и обвел взглядом гостиную. Она оказалась симпатичнее, чем можно было подумать, глядя на фасад дома. Лины нигде не было видно.

– Подождите здесь, сейчас принесу кофе, – сказала женщина и пошла на кухню.

Фабиан подошел к стеллажам. Конечно, мы живем в эпоху электронных гаджетов, но стеллаж в гостиной все еще остается одним из тех мест в доме, которые хранят большинство секретов.

Содержимое полок было вполне предсказуемым: разноцветные бутылки и разномастные хрустальные бокалы, а также сувениры из Греции и с Канарских островов. Музыкальных альбомов было совсем немного, а коллекция DVD состояла наполовину из фильмов Диснея, а наполовину – из шведских детективных сериалов. Три четверти крайне скромной библиотеки занимали книги Гийу, Манкелля и Гришэма, дополненные обязательными томами Стриндберга, Шекспира и Диккенса. Картину портили или, наоборот, улучшали – как посмотреть – Пол Остер, Кормак Маккарти и Джонатан Франзен.

Фабиан решил, что это книги Лины. На самой нижней полке он обнаружил фотоальбомы. В первом были свадебные фотографии Йоргена и Лины, и Фабиан невольно подумал о том, на какой же мезальянс она пошла. Во втором альбоме чего только не было – от сочельников и дней рождения до крестин и праздников раков. На нескольких фотографиях Йорген стоял с обнаженным торсом и демонстрировал хорошо натренированные мускулы в татуировках.

– Нашел что-нибудь интересное?

Фабиан поспешно оторвался от альбома и увидел Лину.

– А, это ты.

Он отложил альбом, порываясь ее обнять, но потом решил протянуть руку, хотя ладонь уже вспотела.

– Привет.

– А обняться?

– Да, конечно, прости. Я просто не хотел... – Он осторожно обнял ее.

– Тебя не узнать. Я слышала, ты переехал в Стокгольм.

– Да, но теперь я вернулся. А я тебя сразу узнал. Ты совсем не изменилась.

– Спасибо.

Фабиан понятия не имел, что ему делать дальше, чтобы молчание не слишком затянулось, и почувствовал себя мальчиком, который только что позвонил в ее дверь, но не успел убежать и спрятаться. Агнета принесла из кухни поднос с кофе и поставила на столик у дивана.

– Лина, хочешь, я посижу с вами?

– Нет, Агге, спасибо. Все хорошо.

Агнета ушла, и Лина с Фабианом опустились на диван.

– Значит, ты полицейский и будешь расследовать это дело? – спросила Лина и стала наливать кофе. Но поскольку руки у нее дрожали, это получалось с трудом.

– Подожди, давай я, – Фабиан забрал у нее кофейник.

– Извини, извини, – Лина беззвучно расплакалась. – Не понимаю. Не понимаю, как так можно поступать? Ведь его все безумно любили. Совершенно не могу понять.

Фабиану захотелось придвинуться к ней поближе и утешительно положить руки на ее трясущиеся плечи, но он решил этого не делать. Он пришел к ней как полицейский, и ничего больше.

– Лина, понимаю, что тебе страшно тяжело. Но у тебя есть... Хотя какое-то предположение о том, кто стоит за всем этим?

Лина покачала головой.

– Никакого. Я же сказала, что его все любили. Ученики его просто боготворили. Он умел найти к ним подход. Особенно к трудным детям. Он точно знал, как с ними надо обращаться.

– Да, могу себе представить. Ведь он и сам был немного... Как бы это сказать, с ним было непросто.

Лина подняла глаза и встретила взглядом с Фабианом.

– Что ты имеешь в виду?

Или она это вытеснила из памяти, или просто сейчас не в том состоянии, подумал Фабиан и поставил кофейную чашку на стеклянный столик.

– Лина, чтобы у нас был хоть какой-то шанс поймать того, кто это сделал, придется поворошить прошлое.

Лина отвела взгляд. Фабиан не стал нарушать молчания, и в конце концов она сдалась и кивнула.

– Насколько я понимаю, он поехал в Германию за пивом. Ты не знаешь, он поехал с кем-то?

– Нет, он всегда ездил один.

– И этот раз не был исключением?

Лина покачала головой:

– Если бы ему пришлось делить с кем-то место на погрузочной платформе, не стоило бы и ездить.

– Я имею в виду просто за компанию.

Лина вновь покачала головой:

– Кому это нужно? Просто съездить на машине в Германию и обратно, даже не имея возможности что-то купить?

Она права, подумал Фабиан, по-прежнему не видя никакого смысла в такой поездке.

– Ну, не знаю. Какой-нибудь приятель. Кстати, он общался с кем-нибудь из класса? Кроме тебя?

– Нет, только с Гленном. Ну, ты знаешь, Гленн Гранквист.

Фабиан кивнул. К нему возвращалось все больше воспоминаний. Гленн и Йорген стали лучшими друзьями еще до школы. Насколько помнил Фабиан, они были из одного теста. Следующим пунктом будет разговор с Гленном.

– Я посмотрел альбом. Йорген всегда был в очень хорошей форме.

– Да, он всегда тщательно следил за своим телом. Одно время, когда дети были маленькими, казалось, что он больше времени проводит на тренировках, чем дома.

– Значит, он часто тренировался, – сказал Фабиан и решил, что теперь либо пан, либо пропал. – А он не принимал препараты для роста мышц?

Лина подняла глаза и встретила с ним взглядом, словно ждала какой угодно вопрос, но только не этот.

– Не понимаю, куда ты клонишь. Анаболические стероиды? Естественно, нет.

Фабиан был уверен в том, что Йорген их принимал. Но это не имело значения. Значение имело, как ответит Лина, а она соврала.

– Он никогда не поднимал на тебя руку?

Теперь Лина подготовилась лучше. Спокойная и собранная. Она фыркнула и покачала головой.

– Честно говоря, не понимаю, что ты хочешь сказать. Йорген был одним из самых прекрасных людей на свете и никогда бы не сделал мне больно, не говоря уже обо всех остальных.

– Лина, я не собираюсь очернять Йоргена. Но мы оба знаем, каким он был в школе, и я только хочу, чтобы...

– Тебе лучше уйти. – Она встала. – Пожалуйста, уходи.

– Извини. Я не хотел...

– Агге! Можешь войти. Мы закончили!

6

Фабиан сел в машину и вставил ключ в зажигание. Он, без сомнения, получил именно то, что хотел, и зревшее в нем подозрение переросло в уверенность. Йорген Польссон сам вырыл себе могилу. Но Фабиан понимал, что действовал слишком жестко, совсем не принимая во внимание, что она только что потеряла мужа.

Так вот с чем он не мог примириться. С тем, что из всех Лина выбрала Йоргена и что они столько лет были вместе? Какое он имеет право подвергать сомнению ее выбор? Как будто у него есть хоть малейшее представление о том, что для нее лучше.

Он открыл бардачок, достал последний протокол техосмотра и на обратной стороне написал ей записку. В записке он очень извинялся за то, что ранил ее, и настоятельно просил связаться с ним в случае необходимости в любое время. В конце он приписал свой адрес и номер мобильного телефона, подписался, сложил записку и опустил в почтовый ящик Лины.

Все это время Фабиан чувствовал, что Лина стоит у окна и смотрит на него сквозь тонкую занавеску, и, прежде чем сесть в машину и уехать, обернулся, улыбнулся и слегка помахал ей рукой.

Очень скоро зазвонил мобильный. Однако звонила Тувессон.

– Мы получили фотографии из Лернаккена.

– Что-нибудь видно?

– Лучше всего тебе приехать сюда.

На пункте оплаты было сделано четыре снимка. Тувессон выложила их на сервере полиции, чтобы показать фото в комнате для совещаний в виде проекций на стене.

– Только не говорите, что молоко опять кончилось, – сказала Лилья, держа в руке чашку свежего кофе.

– Есть сливки, – отозвался Утес, плеснув каплю в свою чашку. – Всего лишь несколько лет тому назад ни у кого не было проблем с... – его прервал звонок мобильного. Он достал телефон и посмотрел на него.

– Ты не собираешься отвечать? – спросила Лилья.

Утес вздохнул и ответил:

– Привет, дорогая. Послушай, я сейчас на совещании и... Что? Снова? – он опять вздохнул. – Берит, я же говорил тебе много раз. Нельзя тратить тонны туалетной бумаги. Тогда... – На всю комнату раздался голос Берит. – Ну ладно, о'кей. Кому-нибудь позвоню... Нет, только не прямо сейчас. Как только освобожусь. Дорогая, я больше не могу говорить. Пока. – Утес отложил свой телефон и молча развел руками.

– Ну что, начнем? – сказала Тувессон и включила проектор.

– Первый снимок сделан спереди. На нем видно, как «Шева» Йоргена Польссона ждет, когда ее впустят на мост в сторону Дании. В нижнем углу указаны время 06:23 и дата 22.06.10. На фото ясно видно, что за рулем сидит Йорген Польссон. Следующий снимок сделан сверху. Тут Йорген протягивает кредитную карточку своей рукой в татуировках.

– Во всяком случае, здесь он еще с руками, – заметил Утес.

– А вот это уже по-настоящему интересно, – Тувессон показала третье фото, снятое 22.06.10 в 23:18. Оно было гораздо темнее, чем два первых, и лицо Йоргена было едва различимо.

Но их внимание привлек не Йорген, а мужчина в темной одежде, сидящий рядом с ним на пассажирском сиденье. На голове у него была кепка, опущенная так низко, что закрывала все лицо. Вот он – мужчина, которого они ищут. Он слился с темнотой, словно привидение без очертаний.

– Я могу попробовать обработать фото и постараться сделать его более контрастным, – предложил Муландер.

– Достаточно контрастным, чтобы его можно было обнародовать? – спросил Утес.

Муландер пожал плечами.

– Сомневаюсь. Посмотрим.

– А мы на сто процентов уверены, что это действительно преступник? – спросила Лилья.

– Нет, но многое говорит об этом, – отозвалась Тувессон. – И, естественно, мы не будем делать никаких заявлений, пока не соберем больше сведений.

– Это же может быть кто угодно, – сказала Лилья.

– Что значит – «кто угодно»?

– Например, просто попутчик.

– Кто сегодня сажает таких людей в свою машину? – удивился Утес. – Сейчас и остановиться-то практически негде.

– Я сажаю. Мир на самом деле не так уж ужасен, как может показаться в этих стенах, – заметила Лилья.

– Нет, он еще хуже, – возразил Муландер.

– Даже если этот человек не преступник, он, по всей вероятности, последний, кто видел Йоргена живым. Как бы то ни было, мы должны его найти. А теперь давайте представим, что человек на фото действительно преступник, – взяла слово Тувессон. – Тогда возникает вопрос: почему Йорген Польссон посадил его в свою машину?

– И где? – спросила Лилья.

– А они могли договориться о встрече? – задала вопрос Тувессон.

– Нет, по словам Лины он всегда ездил один, – сказал Фабиан.

– Это она так думает. Но что доказывают ее слова? – вмешался Утес. – Например, моя жена знает обо мне не все.

– Счастливая, – заметил Муландер.

– Поскольку убийство тщательно спланировано, мы в любом случае должны исходить из того, что преступник был на сто процентов уверен, что его посадят в машину, – продолжил Фабиан. Другие кивнули. – Все обстоит именно так, как сказал Утес. Практически весь отрезок пути – автострада, где нельзя останавливаться. Может быть, нам надо узнать номер его кредитной карточки и сделать распечатку платежей.

– Точно, он посадил мужчину там, где остановился бы в любом случае, – заметила Тувессон.

– Хорошая мысль, – Утес повернулся к Тувессон. – А он далеко не дурак, наш новенький. К сожалению, это займет массу времени. Банки любят тянуть до последнего.

Фабиан знал, что Утес прав. Но у него было решение по имени Нива Экенгельм из Радиотехнического центра вооруженных сил. Она как никто умела прорваться сквозь самые толстые брандмауэры, чтобы получить нужную информацию. Нива много помогала ему в последнем расследовании. Но у помощи была своя цена, и Фабиан пообещал себе никогда к ней больше не обращаться.

Женщина из диспетчерской Эресуннского моста сразу же узнала его голос и спросила, как идет дело и нашли ли они убийцу. Фабиан уклончиво ответил, что расследование продвигается, и что они делают все, что в их силах, чтобы как можно быстрее раскрыть преступление.

– Да, понимаю, дорогой мой. Ты дал подписку о неразглашении, так что тебе нельзя раскрывать оперативно-технические детали, – сказала женщина с тягучим южно-шведским говором. – Но ведь это он сидит рядом на пассажирском сиденье? Правда?

– Ты наверняка понимаешь, что я не могу рассказать все, что мы знаем, – ответил он, надеясь, что этого достаточно.

Ему по-прежнему была нужна ее помощь, и он не хотел быть невежливым.

– Считаю это утвердительным ответом. Но тебе не стоит беспокоиться, я не сделаю заявления в газете. Во всяком случае, пока.

Фабиан решил, что надо внушить ей ощущение причастности.

– А я и не беспокоюсь. Ты сама все понимаешь, и мы не хотим, чтобы преступник узнал столько, сколько знаем мы. Ясно?

– Ясно.

– И именно потому, что ты уже в курсе дела, мне нужна твоя помощь еще кое с чем.

– Вот как!

– Ты не могла бы выяснить номер кредитной карточки, которой он расплачивался?

Женщина ответила не сразу:

– Ты же знаешь, что мы не имеем права сообщать такие сведения без разрешения прокурора.

А она не дура, подумал Фабиан. Проблема заключалась в том, что на прокурора не было времени.

– Но только ради тебя, Фабиан Риск, мой маленький Валландер, я сделаю исключение.

При одном условии.

– Каком?

– Что в следующий раз, когда ты окажешься в наших краях, ты зайдешь ко мне.

Вставив наушник от мобильного в одно ухо, Фабиан нашел мини-кухню, где стоял большой кофейный автомат с длинным рядом кнопок – выбор был большой. Он нажал на кнопку капучино и услышал, как автомат заработал. В трубке тем временем шли гудки. Она видит, что он звонит, в этом он не сомневался. Наверняка она сейчас сидит с мобильником в руке и смотрит на экран.

– Как ты смеешь мне звонить?

Фабиан растерялся и не нашел, что ответить.

– Але? Ты думаешь, я не понимаю, что это ты? Какого черта...

– Нива, я не хотел...

– Между нами все кончено. Ты что, уже забыл это?

– Нет, не забыл, но я звоню не поэтому.

– Нет, ты, наверное, звонишь, чтобы рассказать, какой счастливой семейной ячейкой вы стали, когда покинули поле битвы и эмигрировали в Сконе?

– Я звоню, потому что мне нужна твоя помощь в расследовании одного дела, и время не терпит, – сказал Фабиан. Ее молчание он расценил как согласие. Она успокоилась. – Я расследую убийство своего старого школьного приятеля. Ты наверняка читала об этом в газетах. Учитель труда, которому отпилили руки.

– Конечно, читала. Так поступают у вас в Сконе. Значит, это твой старый школьный приятель?

– На самом деле, не такой уж и приятель. Мы учились в одном классе, и мне надо выяснить, какие покупки он совершил по карточке 22 июня.

– Пошли мне смс с номером карточки, и я тебе отвечу.

– О'кей. Спасибо тебе. Прекрасно. И чтоб ты знала: я совсем не хотел...

– А в целом как оно?

– Ничего. Мы только что переехали, так что пока все вверх дном. Такое ощущение... Все будет хорошо. А как ты?

– Как обычно, страшно одиноко. Психотерапевт говорит, что должно пройти время.

– Тебе скоро станет легче, вот увидишь. Теперь, когда я переехал, весь Стокгольм твой.

– Как это может помочь, когда ты продолжаешь мне звонить?

Фабиан собрался ответить, но не успел. Она положила трубку. Он взял чашку с капучино, сделал глоток и вылил кофе в раковину.

7

– Папа, а ты знаешь, что мы делали? – закричала Матильда и бросилась к Фабиану, который входил в дверь. – Мы купались! Огромные волны и страшно холодно! Завтра мы опять пойдем на пляж, и мама обещала купить мне новый купальник! – Дочка прыгнула в его объятия. – Давай с нами. Пожалуйста.

– Даже не знаю. А что если я замерзну? – Он вошел в кухню, держа на руках Матильду.

– Папа, ну пожалуйста. Пожалуйста.

Фабиан подошел к Соне, которая накрывала стол к ужину, и поцеловал ее.

– Все готово, – сказала она с улыбкой. – Как дела? Закончил то, что должен был? – Жена сняла фартук и встретилась с ним взглядом.

– Любимая, это...

– О'кей, понимаю. Забудь, что я тебя спрашивала. Забудь, что вообще-то у тебя отпуск.

– Любимая...

– Больше мы об этом не говорим. Сходи лучше за Тео.

– Конечно, а где он?

– В своей комнате.

– Он весь день там просидел, – сказала Матильда.

– Он не ходил купаться?

– Нет, он надеялся, что ты пойдешь с ним и поможешь ему купить маску и трубку, – ответила Соня.

– Папа, обещай, что завтра пойдешь с нами. Пожалуйста, обещай.

– Хорошо, обещаю. Буду стараться изо всех...

– Ну и дурак, – Матильда высвободилась из его объятий.

Фабиан направился к лестнице, но тут зазвонил телефон.

– Уже подключили?

– Наверное, – Соня подошла к телефону и взяла трубку. – Да, это Соня Риск... Понятно. Да, он дома. Это тебя.

По коротким репликам Фабиан сразу же понял, кто звонит. Ах ты, змея подколотная, подумал он, взял трубку и перешел в гостиную.

– Фабиан Риск слушает, – сказал он официальным тоном.

– Привет, милый, – отозвалась Нива на другом конце провода. – Решила позвонить тебе домой по городскому, чтобы не вызывать подозрений. Мы же не будем с тобой секретничать?

– Нет, конечно, не будем, – Фабиан пожал плечами и посмотрел на Соню. – Что-нибудь выяснила?

– Как всегда, рвешься в бой. Честно говоря, не понимаю, как Соня это выдерживает. Когда, наконец, ее терпение лопнет и все будет кончено?

– Нива, мы как раз собирались есть.

– Как мило. Заправка в Леллинге в 22:22, 739 датских монет. Кроме приграничного магазина «Bordershop» в Путтгардене, где он накупил пива на целый Октоберфест.

– Хорошо, спасибо тебе за помощь.

– Не за что.

Фабиан положил трубку и сел за стол. Соня, естественно, недоумевала. С полным правом. Но ей придется подождать.

Подождать, пока он снова не вернется домой.

Часы уже показывали начало одиннадцатого, когда Фабиан вышел из дома, завел машину и выскользнул в темноту. Заправка в Леллинге находилась на одном расстоянии с Кеге, в нескольких милях от Копенгагена, и он рассчитывал быть там около полуночи.

Хотя Теодор отказался открывать дверь своей комнаты, а Матильда все еще злилась на него, не говоря уже о Соне, он решил не откладывать поездку на следующий день. Ему удалось выиграть немного времени, и он не может позволить себе потерять целую ночь.

Преступник никак не мог знать, где и сколько раз будет останавливаться Йорген. Но, должно быть, рассчитывал, что тот остановится хотя бы один раз на заправке. По словам Муландера, в баке «Шевы» было 88 литров 95-го бензина. Всего бак вмещает 120 литров, а это значит, что Йорген использовал 32 литра до того, как встретил свою судьбу в кабинете труда. Место, где он заправился, находится в 144 км от школы, считая мост. 32 литра на 144 км означает, что полностью заправленная «Шева» расходовала 2,2 литра каждые десять километров, что представляется вполне правдоподобным, и в свою очередь означает, что машина никуда не заезжала без надобности и ехала прямой дорогой до кабинета труда.

Йорген Польссон использовал свою карточку в Дании один-единственный раз. В 22:22 он заплатил 739 датских крон, что соответствует примерно 75 литрам бензина. Исходя из того, что он выехал из Эдокры с полным баком и заправился только в Леллинге спустя 380 километров, 75 литров вполне подходят. Через 56 минут, в 23:18, он доехал до пункта оплаты в Лернаккене. Отрезок пути, который можно проделать максимум за 40 минут. Это означает, что он провел на заправке 15-20 минут, прежде чем отправиться дальше.

Теперь уже с попутчиком.

Мужчина в будке вернул Фабиану карточку, и перед ним поднялся шлагбаум. Он нажал на газ и доверился автоматической коробке передач, слушая по радио одну из своих любимых композиций. Он прибавил громкость, и голос Кейт Буш заполнил весь салон.

По мосту он ехал в первый раз. С высоты открывался почти магический вид. В свете полумесяца небо переливалось темно-синими и золотыми красками, а далеко внизу простиралась гигантская зеркальная гладь спокойной воды Эресунна.

*And if I only could
Make a deal with God
And get him to swap our places
Be running up that road
Be running up that hill⁵*

⁵ И если бы я только мог заключить сделку с Богом и поменяться с ним местами, взбежав по этой дороге, взбежав на этот холм, – слова из песни «Взбегая на холм» («Сделка с Богом») британской певицы Кейт Буш.

8

Гленн Гранквист сел за кухонный стол, отвернул крышку стеклянной банки и посмотрел на кусочки сельди, плавающие в мутном рассоле. Банка осталась со времен их совместной жизни с Анки. Сам же он сельдь не любил. В составе было что-то не то, и поэтому ему приходилось глотать все целиком и запивать холодным пивом, чтобы еда не пошла обратно.

Но пиво кончилось. И вообще, закончилось почти все, что Гленн любил. Теперь он открывал продукты с давно истекшим сроком годности. Оливки, корнишоны, горчица, соус орли и эти проклятые банки с сельдью Анки. Он выловил кусочек сельди, отправил его в рот и запил компотом из банки с консервированными ананасами.

С тех пор как он узнал о судьбе Йоргена, он не мог расслабиться. Ему было трудно усидеть на месте, и он постоянно находился в движении. Все тело было напряжено, и ему казалось, что сердце бьется в два раза быстрее. Умер его лучший друг. Не в результате несчастного случая или от болезни. Кто-то сознательно лишил его жизни таким изощренным и жестоким способом, что от одной мысли об этом Гленна пробивала холодная дрожь.

Он вспоминал, как хорошо им было все эти годы – целых тридцать семь лет. Пожизненный срок. Мысли путались.

Они познакомились в первом классе. Через несколько минут подрались. С тех пор они стали лучшими друзьями и шли друг за другом в огонь и в воду.

Конечно, они наделали глупостей. И причем немало, если задуматься. Большинство было в прошлом, и время от времени они внушали друг другу, что им нечего стыдиться. И это срабатывало. Все эти годы он почти всегда прекрасно спал по ночам, а совесть его была чиста, как в рекламном ролике. До этих пор.

Больше недели назад позвонила Лина и сказала, что Йорген исчез. Гленн сразу же догадался, в чем может быть дело, и на него нахлынули воспоминания. Старые забытые воспоминания, которые он сбил в твердую невнятную массу и закатал под асфальт, чтобы они никогда больше не увидели дневной свет.

Но именно это и произошло.

Его совершенно не удивило ни что Йорген мертв, ни что его убили. Его до смерти напугали эти чертовы отпиленные кисти рук.

Если бы не эта деталь, он наверняка не лежал бы ночами без сна, который был ему так необходим. Мог бы оплакивать Йоргена и утешать Лину. А сейчас он даже не решался с ней общаться.

Сильной стороной Йоргена были именно руки. Удар кулаками. Ничем другим, только кулаками. Даже если они разбиты в кровь, все равно. Это всегда было его делом. Только позже, после девятого класса, он стал использовать кастет. Гленн же специализировался на ударах ногами, обутыми в красные лакированные мартинсы с металлическими набойками.

Задним числом он не мог понять, почему они так долго этим занимались. В школе все было по-другому. Им было жутко скучно и надо было как-то проводить время. И почему бы не с жертвой, которая делала все, что они говорили, и вся дрожала от страха при одном только их приближении. Но потом, после? У них словно появилась зависимость, и они не могли остановиться, пока он не умрет, что, как они считали, произошло после их последней с ним встречи. Они называли это встречей.

Встреча длилась больше пяти часов.

Через одиннадцать лет после окончания школы.

После школы они отстали от него и занялись другими. Откровенно говоря, он им надоел, и они практически забыли про него. Но внезапно, во время ночной попойки в Копенгагене, Йоргену пришла в голову мысль найти его и устроить последнюю встречу.

Существуют таблицы, показывающие расход калорий при беге, занятиях сексом или во время сна. Но ни одна таблица не расскажет, сколько калорий сжигается в драке. Надо думать, много, потому что через три часа и он, и Йорген были полностью без сил.

Он кричал, плакал и молил их о пощаде. Говорил, что они могут взять его деньги и что он готов на все что угодно, только бы они прекратили. Но он ничего не мог сделать. Только умереть. Сдаться.

Но этот черт отказывался. Конечно, они могли пырнуть его ножом, но это была бы халтура. Руки и ноги, только так. Ничего кроме.

Они вышли из квартиры и отправились в «Три лошади», съели по куску говядины с картофелем фри и соусом «Бернез» и выпили по большому стакану колы. Гленн до сих пор помнит, как же было вкусно. Им было крайне необходимо повысить уровень сахара в крови. После этого они сыграли в пинбол. Ему удалось заполучить большое количество мульти-шариков, и он был близок к личному рекорду, но игра завяла. Во время игры они ни слова не сказали об избиении. Но молчаливое соглашение витало в воздухе. Они будут продолжать, пока он не сдастся. Не сдастся по-настоящему. Раз и навсегда.

Когда они вернулись, оказалось, что ему удалось доползти до прихожей и стянуть со стола телефон. Откуда ему было знать, что они перерезали провод?

Через два часа сдались они. Первый раз за всю свою жизнь они устали бить. Последние полчаса прошли однообразно и без напряжения. Гленн помнил, к какому выводу они пришли: даже если сейчас он еще не умер, через несколько часов все равно умрет.

Последующие недели они от корки до корки читали газеты, высматривая некролог или хотя бы маленькое сообщение в новостях об убийстве. Но ничего не нашли, даже заявления в полицию. Через два месяца они осмелились прийти в его квартиру и обнаружили, что она совершенно пуста. Он исчез. Растаял как дым.

Их стало грызть все нараставшее беспокойство. Беспокойство из-за того, куда на самом деле делась их жертва. А вдруг он собирается им отомстить? Они нередко обсуждали это и решили, что волноваться не стоит, а через несколько лет вообще перестали об этом думать.

Отпилить обе кисти. Ничего себе!

Значит, скоро его очередь? Ему отпилят ноги?

Он лег на диван на кухне и закрыл глаза. Казалось, усталость медленно пожирает его изнутри. Но он боялся уснуть. К тому же те немногие часы за последнюю неделю, которые ему удалось проспать, были худшим испытанием, чем бодрствование. Такие странные сны ему еще никогда не снились. Вытесненные воспоминания возвращались к жизни и превращались в мечту любого режиссера фильма ужасов.

Он читал об одном ученом, который продержался без сна одиннадцать суток. Через четверо суток у него начались галлюцинации, и он вообразил себя Диего Марадоной. Еще через шесть суток он восстановился и, прежде чем наконец заснуть, даже умудрился обыграть своих ассистентов в пинбол.

Одиннадцать суток он бы никогда не выдержал.

Важно ясно мыслить и не терять концентрацию. Не расслабляться. Гленн сел, потер глаза, запихнул в рот еще один кусочек сельди и попытался проглотить его, но не получилось. Компот из ананаса кончился, а сельдь упрямо шла обратно, пока он усилием воли не начал жевать. Надо есть. Надо держать себя в форме, чтобы иметь хоть крошечный шанс, когда придет время. Он собирается защищаться. Что бы ни случилось, он окажет сопротивление.

Никто не упрекнет его в лени. Он закончил почти все приготовления. Вооружился, повесил на все окна в доме замки и так настроил лампы, что теперь они гасились одним нажатием кнопки на пульте, который он всегда носил с собой. На лужайке за домом разложил колючую проволоку и с помощью лески соединил ее с лебедкой, висевшей на окне верхнего этажа.

Единственное, что осталось сделать, – вставить во входную дверь глазок, но это подождет до утра, пока не рассветет. Старая дверь была с глазком. Но когда ее пришлось поменять, он решил, что нет смысла тратить на глазок. Через несколько недель он пожалел об этом и купил глазок, с тем чтобы самому вставить его. С тех пор прошло три с половиной года. Но завтра он его вставит.

На самом деле, очень глупо с его стороны было остаться жить в доме после того, как Анки смылась. Он сделал это только чтобы ей досадить. Дом ему совсем не нравился. В принципе, он совсем не против домов. Но именно этот дом построен кое-как – тонкие гипсовые стены уже пахнут плесенью, хотя им всего десять лет. Не говоря о входной двери, которую давно надо было...

Мысли Гленна прервал звонок в дверь. Половина двенадцатого ночи. Кого это черт принес в такое время?

В дверь опять позвонили.

По его хладнокровным расчетам, незванный гость проникнет через сад с задней стороны, которая не просматривается. Споткнется о натянутую колючую проволоку, и тогда Гленн набросится на него и втащит в дом. Если же, вопреки предположению, этому человеку удастся добраться до дома, он без усилий разобьет стеклянные двери. Но Гленн к этому подготовился. Он не против заманить визитера в кабинет. А оттуда ему уже не выбраться.

Во всяком случае, не раньше, чем Гленн спокойно позвонит в полицию и отперет дверь. Он представлял себе, как газеты напишут о нем как о герое, задержавшем преступника. И тогда Анки получит по заслугам.

Но звонили в дверь, что никак не входило в его планы. Не мог же этот подойти к фасаду и просто позвонить? Это невозможно. Тогда кто же там?

Вообще-то сигнализация на лебедке уже сработала в прошлую ночь. За долю секунды Гленн погасил свет во всем доме и быстро вышел в сад. Но оказалось, что это всего лишь какая-то прилудная собака застряла в проволоке; он не успел прийти ей на помощь – ей самой удалось выпутаться и скрыться.

Может быть, звонит хозяин собаки? А вдруг закон запрещает натягивать колючую проволоку в своем саду? – думал Гленн. С другой стороны, это ведь мой участок.

Не терять концентрацию и ясно мыслить.

Он схватил бейсбольную биты и осторожно спустился вниз открыть дверь.

Позвонили опять. Долго и настойчиво.

Проклятие, он так и не вставил этот чертов глазок. Он отпер замок и открыл дверь.

9

Было только половина двенадцатого, когда Фабиан Риск снизил скорость при заезде на улицу Рингстедвей в Леллинге и навигатор сообщил ему, что скоро он будет у цели. Он доехал быстрее, чем рассчитывал. Машин почти не было, а по радио передавали «Взбегая на холм». Это его так вдохновило, что он прослушал весь альбом «Гончие любви», который в свою очередь помог ему мысленно уйти в прошлое.

Ему никогда не нравился Йорген Польссон. Все школьные годы он старался держаться от него как можно дальше. И не потому, что боялся. Если честно, больше из малодушия, чтобы не быть свидетелем нападений и не принимать ту или иную сторону. Легче всего было повернуться спиной. Наверное, поэтому у него такие расплывчатые воспоминания, такие скудные. Как назло.

Теперь, во всяком случае, он вспомнил, что Йорген Польссон и Гленн Гранквист наводили на всех страх и в качестве жертвы выбрали Клаеса Мельвика.

Уже в первом классе, когда учитель проводил переключку, парню пришлось несладко. И так продолжалось до девятого класса, что все одноклассники прекрасно осознавали. Учителя наверняка тоже. И тем не менее, все закрывали глаза.

Но на одно происшествие Фабиан не мог закрыть глаза. Этот эпизод он вытеснил из памяти, но зрелище отпиленных кистей в душевой вернуло его. В тот раз он чувствовал, что в происходящем его вины не меньше, чем Йоргена и Гленна.

Они были в раздевалке после урока физкультуры. Обычно Клаес никогда не принимал душ, о чем учитель физкультуры узнал и пригрозил поставить ему неуд, если тот не будет мыться. Принимать душ после физических упражнений важно для гигиены не только самого человека, но и для всего его окружения, говорил учитель, который, вероятно, понятия не имел о том, на что в этот момент обрекает Клаеса.

Душевая, где с двух сторон было всего восемь кабинок, была выложена белой кафельной плиткой. Все почувствовали, что в воздухе повисла угроза, и стали быстро мыться. Все, кроме Йоргена и Гленна. «Ну, чего уставился? Ты что, гомик? Нет, он трансвестит! Ты только посмотри на его член! Такой маленький, прямо как манда!»

Фабиан до сих пор помнил, как Клаес смотрел в его сторону умоляющим взглядом и как он притворился, будто ему в глаза попало мыло, и зажмурился. В этот момент он услышал первый удар, и когда снова открыл глаза, Клаес лежал на твердом кафельном полу в позе эмбриона и пытался защитить свой член от пинков Гленна, а свою голову – от ударов Йоргена.

Фабиан трусливо сбежал из душевой вместе с остальными. Клаес не издал ни единого звука. Он не кричал и не говорил. Он даже не просил их прекратить. Просто молча принимал удары и пинки. Он закричал только тогда, когда они до упора открыли кран с горячей водой.

Теперь, больше тридцати лет назад, преступник отпилил Йоргену руки и положил их именно в той самой душевой.

Если у кого и был серьезный мотив, так это у Клаеса Мельвика.

Объехав здание заправки, Фабиан припарковался на углу рядом с мусорным контейнером и вышел из машины. Наполнил легкие ночным воздухом, по-прежнему плотным и теплым. Если и дальше так пойдет, скоро в газетах напишут о самом теплом июле за последние сто лет.

Он стал обходить здание, глядя по сторонам. Через какое-то время он понял, что не имеет ни малейшего представления о том, что должен искать, хотя в машине у него возникло чувство, которое никак его не отпускало. Смутное ощущение, что ему надо поехать сюда сейчас, не откладывая. Он осмотрел местность рядом с заправкой, и чувство только усилилось. Конечно, он не мог знать наверняка, но он все больше убеждался в том, что преступник вступил в контакт со своей жертвой именно здесь.

Однако преступник не мог предвидеть заранее, что Йорген Польссон решит заправиться на этой заправке. Он мог рассчитывать только на то, что Йоргену придется остановиться где-нибудь по дороге домой. Значит, он ехал за ним в своей машине. Эту машину он был вынужден оставить здесь, и если он еще не забрал ее, оставался шанс, что она так и стоит.

Фабиан продолжал обходить заправку с задней стороны, пытаясь яснее представить себе Клаеса Мельвика. Он вспомнил, что Клаес был очень застенчивым и осторожным. Он едва смел поднять в классе руку, чтобы ответить на вопрос. А теперь, получается, он зашел настолько далеко, что лишил жизни своего мучителя самым жестоким и изощренным способом, который только можно представить. Фабиан не знал, что и думать. С другой стороны, почти нет предела тому, что насилие и психический террор могут сделать с человеком. На самом деле, именно так и рождаются чудовища.

С задней стороны были припаркованы пять автомобилей. Похоже, ни один из них не принадлежал клиентам магазина. Три машины стояли на парковке для персонала, а там, где стояли две остальные, вообще не было разметки. Одна была покрыта толстым слоем грязи и засохшей листвы. Фабиан подошел к последней машине, «Пежо 206» с шведскими регистрационными номерами, и стал ее осматривать. На ней лежал тонкий слой пыли, а это значит, что она стоит здесь без движения несколько дней или максимум неделю.

Надо бы позвонить Тувессон, но она наверняка будет недовольна, что он действует на свой страх и риск. Поэтому он позвонил Лилье.

– Ирен Лилья слушает.

– Привет, это Фабиан Риск, твой новый...

– Я знаю, кто ты такой.

– Надеюсь, я тебя не разбудил.

– Все в порядке. Я еще на работе и пытаюсь помочь Утесу найти список учеников твоего класса, что практически невозможно. Ведь ты учился в 9С?

– Да, но если нам слегка повезет, список не понадобится. – Он обошел машину. – Я сейчас в Дании и, возможно, нашел машину преступника.

– Что? Что ты такое говоришь? Как тебе это удалось? А Тувессон знает?..

– Потом объясню, и, может быть, я ошибаюсь. Это пока что только предположение. Но если бы ты могла проверить JOS 652, было бы...

– перезвоню.

Фабиан глубоко вздохнул, положил в карман мобильный и направился к круглосуточному магазину. Если выяснится, что владелец «Пежо» – Клаес Мельвик, его подозрения станут конкретными доказательствами, и следствие одним махом перейдет в заключительную стадию: установление местонахождения и собственно задержание.

Эта стадия, конечно, может затянуться. Но он сделал свое дело и даже сверх того и может с чистой совестью вернуться к отдыху. Завтра сразу же после завтрака он повезет Теодора в «Велу» и купит трубку для плавания, а потом всей семьей они поедут на морской курорт Мелле, где будут загорать и нырять среди скал, а затем он пригласит их на торжественный ужин в Гранд-отель Мелле.

Зайдя в магазин, он купил в автомате кофе латте, шоколадку «Дайм» и воду «Рамлеса», или *датскую воду*, как упрямо называли датчане воду из Хельсингборга. За кассой стояла молодая девушка, с виду не старше двадцати. На проколотой нижней губе висело три кольца. Нельзя такой юной девушке работать здесь одной в ночную смену, подумал Фабиан, выкладывая покупки.

– Ваша машина? – она кивнула в сторону «Пежо».

– Нет, а вы не знаете, она давно здесь стоит?

– Чуть больше недели.

– А она стояла здесь в прошлый вторник, 22 июня?

– Понятия не имею, – девушка пожала плечами и принялась сканировать товары. – По вторникам и средам я выходная. Первый раз я увидела ее в прошлый четверг. С вас семьдесят восемь крон.

Фабиан протянул карточку и мысленно отметил, что «Пежо» вполне может находиться на парковке с прошлого вторника. Он расписался на слипе и вышел из магазина. Тут завибрировал его мобильный.

– Это Ирен Лилья. Его зовут Руне Шмекель.

– Прости? Как ты сказала? – Фабиан остановился у вытяжки, откуда что-то капало и испарялось. Он был так настроен услышать «Клаес Мельвик», что решил, что ослышался.

– Руне Шмекель. Правда, мерзкая фамилия?

Фабиан весь как сдулся. Если бы машину, например, взяли напрокат, он хотя бы знал, куда двигаться дальше. Во всяком случае, никакого Руне Шмекеля у них в классе не было.

– Она значит в угоне?

– Нет, это первая мысль, которая пришла мне в голову.

Черт возьми, мысленно выругался Фабиан. Может быть, это все-таки не машина преступника? Или он идет по совершенно ложному следу? Может, это вообще не месть затравленной жертвы?

– Фабиан, ты меня слышишь?

– Да, только я ожидал не такого ответа.

– Во всяком случае, вот его домашний адрес: улица Адельгатан, 5, Лунд. Он работает там в больнице.

– О'кей. Я должен прерваться. Продолжим потом.

– Ладно. Увидимся завтра.

Фабиан закончил разговор. У него пропало желание говорить. Ему надо было подумать. Обдумать все с самого начала.

10

Было только самое начало третьего, но уже начинало светать, и на обратном пути в Швецию Фабиан смог убедиться, что вид на пролив Эресунн превзошел сам себя. Но он был не в состоянии любоваться. Ему даже не хотелось слушать музыку. Из головы не шел Клаес Мельвик и все то, чему его подвергали в школе. В памяти всплыло еще больше случаев, один страшнее другого, что только подкрепляло мотивы убийства. Проблема заключалась в отсутствии конкретных улик. Единственное, чем он располагал, – смутные воспоминания.

Он затормозил у пункта оплаты в Лернаккене и остановился у опущенного шлагбаума, протянув мужчине в будке свою кредитную карточку. Он надеялся, что Соня уснет до его возвращения. Иначе разговор о том, почему позвонила Нива, не даст им уснуть до утра.

– Попрошу вас опять выехать и проехать вон к тому зданию, – сказал мужчина в будке, возвращая Фабиану кредитную карточку.

– Что-то не так? У меня есть другая карточка, если что.

Мужчина покачал головой и указал на здание барачного типа. Фабиан не понял, в чем дело. Даже когда увидел, что ему навстречу идет полная женщина.

– Эй, Фабиан Риск, ты что, хотел смыться? Обещал же пригласить меня на свидание в следующий раз, когда будешь проезжать мимо, – произнесла дама.

Фабиан вышел из машины и пожал ей руку, мечтая оказаться как можно дальше от этого места. Женщина представилась Кикой и затащила его в барак. Там она вылила из кофеварки старый кофе и заварила новый. Подсчитав, сколько ложек Кика бросила в кофейный фильтр, Фабиан понял, что, в общем, неважно, будет ли Соня спать, когда он придет домой. Все равно он не сомкнет глаз.

– А ты настоящий красавчик! Даже лучше, чем я думала, – сказала Кика, наливая две чашки черного кофе. – Одинокий (без пары/ты свободен)? Или это уже слишком? Мне нравятся длинные прогулки и романтические ужины. Хотя, честно говоря, ужины предпочтительнее.

– Извини, но я женат, – выдавил из себя Фабиан, не понимая, чем заслужил такое счастье.

– Тебе не за что извиняться. Вижу, у тебя кольцо. Я же не дурочка. Но попытка не пытка. Разве нет?

– За спрос не дают в нос.

– Что?

– Ничего.

– Да, кстати. Хочешь печенье?

– Нет, спасибо, не надо, – сказал Фабиан. Он силой заставил себя выпить кофе и встал. – Мне пора домой. Было приятно познакомиться, и спасибо за кофе.

– Не за что. Надеюсь, я не очень напугала тебя своей болтовней. Знаешь, иногда в будке становится немного одиноко. Но никто об этом не думает. Все куда-то едут. Все, кроме нас.

– Да, понимаю, что здесь бывает одиноко. Всего тебе хорошего. – Фабиан направился к двери.

– Послушай, я вот тут подумала, ну, о том деле, над которым ты работаешь.

– Да? – Фабиану не удалось подавить зевок.

– Предположим, что на том фото, которое я тебе дала, на пассажирском сиденье сидит преступник, тоже швед. Значит, он тоже проехал по мосту, только в другой машине, которую потом оставил в Дании. Так ведь?

– Так. Но, к сожалению, вопросов по-прежнему так много, что нельзя сказать что-то определенное, – ответил Фабиан тоном, который явно давал понять, что ему больше нечего добавить, хотя в глубине души он был впечатлен аналитическим умом женщины.

– Минутку. Если, например, так и было, получается, что этот человек проезжал здесь примерно в то же время, что и жертва. Так?

Фабиан понял, что Кика сделала совершенно логичный вывод, а он это упустил.

– Я об этом не подумал. Но ясно, что так и было. А можно получить фото машин, которые проехали до и после?

Улыбаясь, женщина достала коричневый конверт, помахала им, открыла его и разложила на столе черно-белые фотографии, сделанные камерой наблюдения.

– Сначала я решила, что он ехал сразу за жертвой через то же окошко. Но не думаю, что здесь есть его машина, – она показала указательным пальцем на несколько фотографий. – И я проверила машины в других окошках, – она выложила еще несколько снимков, – и остановилась на этой. Понятно, я могу ошибаться. А ты что думаешь? – Она выложила последнее фото – «Пежо» с регистрационными номерами JOS 652.

– Почему ты остановилась именно на ней?

– Видишь, как он наклонился? Такое бывает крайне редко. Люди не думают о том, что их снимают. Но он держит это в голове, и у него нет ни малейшего желания попасть в кадр. К тому же он расплатился наличными.

Фабиан стал изучать фото, на котором водитель машины спрятал лицо, наклонившись вперед. Кика права, и более того: она выполнила большую часть его работы. Он поблагодарил ее, забрал фотографии и обещал, что в следующий раз, когда будет проезжать мимо, не забудет остановиться и перекусить с ней вместе.

– Перекусить? Ну-ну. В следующий раз у нас уже будет второе свидание. Тогда надо будет продвинуться немного дальше, – она хитро подмигнула и засмеялась.

Не понимая, шутит ли она, Фабиан сел в машину и поехал обратно по мосту.

Назад в Данию.

Хотя была половина третьего утра, Тувессон ответила после второго гудка.

– Почему ты не сообщил мне, что отправился в сольное турне по Дании?

– Извини, не хотел будить тебя напрасно.

– Напрасно?

– Да, пока не узнал, к чему это может привести, – Фабиан сам заметил, как глупо звучат его оправдания, так что решил просто продолжать. – Разве Лилья не позвонила тебе по поводу владельца машины? Некто Руне Шмекель, который якобы живет в Лунде.

– Позвонила. И местная полиция уже побывала по адресу, но дома никого не застала. – Было слышно, как она глубоко затынулась.

– А вы звонили в больницу? Может быть, он на дежурстве?

– Он в отпуске. Фабиан, а ты сейчас где, хотелось бы знать?

– Еду домой, – соврал Фабиан. – Вопрос только в том, что мы будем делать с машиной? Она ведь по-прежнему стоит у заправки, и ее надо осмотреть. Кстати, а Муландер в курсе?

– Мы все равно не можем ничего делать, пока не получим добро от наших датских коллег, и в таких случаях им обычно нужно несколько дополнительных дней. Сам знаешь, как бывает, когда старший брат просит младшего об услуге.

– Тогда мы можем опоздать.

– Она стоит там уже больше недели. Вероятно, он вообще не станет ее забирать.

– А квартира? Когда мы сможем туда войти?

– Сейчас разгар отпусков, но я буду настаивать.

– Хорошо. Увидимся завтра.

– Будем надеяться. Кстати, Фабиан.

– Да?

– Как я уже говорила сегодня, я очень благодарна, что ты взялся за это дело в свой отпуск. Но, черт возьми, не забывай, что мы одна команда!

Не успел Фабиан ответить, как она положила трубку.

Через сорок минут он опять завернул на заправку в Леллинге и объехал ее, чтобы проверить, нет ли там еще кого-то. Но никого не было – кроме него самого и девушки с пирсингом из магазина. Он обдумал свои действия, взвесив все за и против. Он прекрасно понимал, что это противоречит большинству известных ему правил. И если когда-нибудь его призовут к ответу, аргументов у него будет не так уж много. И все равно он был уверен в том, что это единственный правильный выход.

Чтобы не терять времени, он припарковался прямо рядом с «Пежо», вынул из багажника домкрат, положил его под машину и стал крутить до тех пор, пока не приподнял заднее колесо. С помощью гаечного ключа открутил четыре колесных гайки и снял колесо.

Девушка с пирсингом, стоящая за прилавком, оторвала глаза от газеты.

– Привет, меня зовут Фабиан Риск, я из полиции Хельсингборга. – Он показал удостоверение.

– Что случилось? – в ее глазах сразу же появилось недоумение и беспокойство.

Не важно, в чью дверь стучать. Если его прихода не ждут, обычно достаточно только представиться, как его встречает такой взгляд. *Что я сделал?*

– Речь идет о «Пежо» с шведскими номерами, который стоит на улице. Нам придется забрать его для проведения технической экспертизы по делу об убийстве, которое расследуется в Швеции, как только между нашими странами будут подписаны соответствующие бумаги.

– О'кей. О'кей. Никаких проблем, – девушка пожала плечами и кивнула с натянутой улыбкой.

– А пока что мне нужна ваша помощь, – продолжил Фабиан, отметив, что улыбка исчезла, и ей на смену опять пришло беспокойство. – Вероятно, подозреваемый оставил здесь машину насовсем. Но если он, вопреки всем предположениям, решит вернуться, чтобы забрать ее, прошу вас сразу же связаться со мной. Хорошо? – Он написал свое имя и мобильный телефон на клочке бумаги.

Девушка посмотрела на записку и лизнула пирсинг на губе.

– А как я пойму, что это он? А что, если он просто возьмет и уедет?

– Не уедет, поскольку заднее колесо будет у вас. – Фабиан открыл дверь и вкатил колесо в магазин. Девушка неохотно забрала колесо и поставила его под прилавок.

– Честно говоря, я должна позвонить начальнику.

– Конечно. Пусть звонит мне, если хочет.

Фабиан вложил написанную от руки записку в полиэтиленовый файл, положил его на стекло «Пежо» за щетками, сел в свою машину и поехал домой.

МАШИНА ЗАДЕРЖАНА ПО ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ПЕРСОНАЛУ

20 августа

Ненавижу школу. Ненавижу! Все видят, что происходит. Я знаю, что видят. Но никто ничего не делает. Хотя нет, делают – смеются и смотрят в сторону. На перемене хотел остаться в классе, но учительница не разрешила. Она сказала, что все должны выйти подышать свежим воздухом. Я сказал, что они глупые. Она ответила, что один в поле не воин. Неправда. Я спрятался в туалете и слышал, как они искали меня и кричали, что если я не выйду, значит, я гомик. Но я продолжал сидеть, ведь я знаю, что я не гомик. Мне нравятся девчонки. Я знаю, что нравятся. Хотя я ни с кем еще не был, но я совершенно уверен. Почти все, кто признаются, что

они гомики, говорят, что знали об этом с детства, и тогда я бы тоже это сейчас знал, а я не знаю. Значит, никакой я не гомик.

Когда я шел домой, они стояли у школьного двора. Хампус всегда говорил, что не надо бежать, поскольку им только этого и нужно. Я хотел побежать, но пошел, как обычно. Они загородили мне дорогу. Я пытался обойти их, но они меня все время останавливали. Я попросил их отойти, но они сказали, что я урод и плохо пахну и должен нести их ранцы. Я ответил, что совсем не пахну. Тогда они ударили меня в живот и сказали, что я сам виноват. Слишком сильно задираю нос.

Поэтому обещаю:

1. Никогда больше не задирать нос.
2. Никогда никому ничего не говорить в школе.
3. Никогда-никогда.

P.S. Лабан так ни разу и не бегал в своем колесе. Глупый хомяк.

11

Крики отдавались эхом в складском помещении длиной более ста метров. Жалкие беспомощные крики. Хотя он выбрал место в другом конце здания, эти вопли упрямо прорывались сквозь высокие складские полки. Будто резали поросенка.

Он не любил крики. Особенно когда их издавал мужчина. Считал это признаком слабости и отсутствия самоконтроля. К этому моменту кричащему уже следовало бы понять, что все кончено. Что от него больше ничего не зависит. Что бы ни случилось, он умрет. И почему бы не сделать это с достоинством? Меньше и требовать нельзя.

На часах была половина четвертого утра. Фирма стройматериалов «Åstorps Bygghvaror», закрытая на период отпусков, откроется только в понедельник после выходных. Место, где он обосновался, находится немного на отшибе, между двумя складскими полками. Он смог расстелить здесь одеяло прямо на бетонном полу и уселся с пакетом из «Макдональдса».

Последние сутки он не спал и не ел. И не потому, что у него не было аппетита или он не мог заснуть. У него не было времени. И, тем не менее, он опаздывал на сутки. Маленький инцидент задержал его и поставил весь план под угрозу. Но после тщательного анализа ситуации он пришел к выводу, что особой опасности нет. Преимущество на его стороне, и завтра все пойдет своим чередом.

Он заберет машину из Леллинге и припаркует ее в гавани рядом с городом Исхой. А там ее нескоро найдут. Скорее всего, машину обнаружат только тогда, когда все необходимое уже давно будет сделано. Но он считал это дополнительной мерой безопасности, которая в первую очередь входила в его план.

Через неделю с небольшим он все закончит. Тогда он сможет отойти в сторону и дать другим возможность во всем разобраться. Сложить фрагменты и попытаться понять. Проанализировать и подивиться его мастерству. Им будет чем заняться не один год, все будут только и делать, что говорить о нем.

Он разорвал влажный бумажный пакет и запихнул в себя холодный пористый гамбургер и пресный картофель фри. Пирожок с яблоками оставил на завтрак. Слизав с пальцев фритюрное масло, поставил таймер на четыре часа. Если кто-то, вопреки ожиданию, придет раньше, он проснется от звука, и у него будет минимум минута, чтобы свернуть одеяло и выбраться через окно. Оно, конечно, открывается вверх, это минус, но он уже ослабил крючки и подпер окно палкой, которая легко убиралась с наружной стороны.

Он подготовился на славу. Без конца прокручивал в голове все возможные сценарии и чувствовал себя таким же сосредоточенным, как, наверное, в свое время Бьорн Борг⁶. Он был абсолютно убежден, что именно скрупулезная подготовка и полная сосредоточенность – это ключ к успеху. Поэтому последние три года он занимался исключительно подготовкой.

Весной 2007 года он принял решение. Сама по себе идея возникла раньше. Сколько он себя помнит, он вынашивал в себе злобу. Рана никак не заживала, и нагноение с каждым днем все усиливалось. В нем все кипело, а он пытался быть приятным и угождать, только чтобы его полюбили. Сегодня он с отвращением вспоминал свое прежнее заискивающее поведение и не мог понять, как у него хватало сил так долго улыбаться.

Но скоро все будет кончено. Теперь рану вскроют и вычистят, и те, кто виноват, получат по заслугам. Каждый мерзавец, который спокойно спит по ночам и думает, что ему нечего стыдиться, заплатит сполна.

Наконец-то будет предъявлен счет.

⁶ Знаменитый шведский теннисист.

Он вспомнил о Фабиане Риске, который неожиданно появился на игровом поле. Он всегда считал Риска хлюпиком. Правильный и вместе с тем себе на уме; постоянно занят тем, чтобы всем угодить, никогда не скажет, что думает на самом деле. Никого, наверное, не удивило, что он стал полицейским.

Более удивительно, что Риск вернулся в родной город. На это он никак не рассчитывал. Это внесло в начало плана определенные корректировки, хоть и незначительного характера. Но все же он расценил возвращение Риска как неожиданный бонус, а ознакомившись с послужным списком Риска в столице, вообще перестал беспокоиться.

Несколько убийств, ряд ограблений инкассаторов и запутанное дело о педофилах, по которому всех отпустили по причине отсутствия доказательств. И последнее: зимой его практически уволили из-за совершенно непонятного и столь же незаконного проникновения в Посольство Израиля. Нет, Фабиан Риск не представлял особой угрозы ни для него, ни для того, что он задумал и готов осуществить. К тому же удалось сэкономить два дня, предназначенные для поездки в Стокгольм.

В отличие от Риска, Йорген Польссон был более предсказуем. Последние три года он ездил в Германию за пивом накануне праздника середины лета. Так было и в этом году. Лучше плана и не придумаешь. Оставалось только последовать за его шикарным пикапом в Мальме и дальше через мост в Редбю. А сразу же после заправки на обратном пути сделать вид, что они столкнулись случайно.

Единственное, что его беспокоило, – это масса тела. Когда он оказался с ним с глазу на глаз, ему показалось, что такое накачанное тело рискует взорваться при малейшем прикосновении. Но отступать было поздно, и к тому же бодибилдеры редко бывают такими сильными, какими кажутся.

Йорген его не узнал и даже пальцем не пошевелил, чтобы напрячь свою память. Тогда он рассказал, что машина его подвела и он не знает, как вернуться домой в Хельсингборг. Йорген сразу же клюнул и предложил подвезти его.

Сидеть рядом с Йоргеном и поневоле слушать его бредовую болтовню – вот что оказалось большой проблемой, небывалым испытанием, и несколько раз у него возникало желание достать пакет с пропитанной тряпкой и сунуть ее ему в морду, чтобы тот заткнулся. Но он держал себя в руках в ожидании подходящего момента: улица Лармвеген во Фредриксдале, где он якобы жил.

Йорген настоял на том, чтобы довезти его до самого дома, и когда они приехали, он, наконец, смог достать тряпку. Дальше все пошло как по маслу. Йорген проспал в течение всей операции и, если верить газетам, проснулся, когда надо. Но выбраться ему не удалось. Суперклей в замке оказался вишенкой на торте. Эта мысль по-прежнему окрыляла его.

С Гленном Гранквистом шло не так гладко. Конечно, он принял во внимание, что из-за новости о смерти Йоргена Гленн будет начеку и станет волноваться, что он следующий в очереди. Как бы еще он истолковал отпиленные руки? Но то, что со своими мерами предосторожности он зайдет так далеко, оказалось полной неожиданностью и поставило под угрозу всю операцию. Это надо признать. Он недооценил Гленна и попался в его ловушку.

По плану он должен был проникнуть в дом Гленна «Вилла Гармония» в Экше с задней стороны через дверь на террасе и после этого подняться на второй этаж, где находилась спальня Гленна. Само нападение представлялось легче легкого. Но так далеко дело не зашло. Он застрял уже в саду, где, как оказалось, была натянута колючая проволока, которая, в свою очередь, наверняка была подключена к какой-нибудь сигнализации.

Не прошло и пятнадцати секунд, как Гленн выскочил в сад, вооруженный бейсбольной битой. Ему ничего не оставалось, кроме как броситься на землю и спрятаться за кустами смородины, изо всех сил стараясь не закричать от боли, поскольку проволока вонзилась ему в шею. В тот момент он был уверен, что все кончено и три года работы ушли в песок, что наверняка

и произошло бы, если бы не собака, которая возникла словно из ниоткуда и тоже застряла в проволоке. Гленн подошел к ней и попытался помочь, но собака вырвалась и, скуля, исчезла.

Через пять минут Гленн вернулся в дом, и тогда он смог осторожно вытащить металлические колючки из шеи. У него было сильное кровотечение, и ему пришлось ретироваться. Дома он заметил, что раны настолько глубокие, что их надо зашить. Что он сам и проделал перед зеркалом в ванной. Не особенно красиво, но все было сделано чисто, и кровь больше не шла.

Он потрогал неровные стежки на шее и решил, что шрамы будут постоянно напоминать ему о том, что никогда не надо недооценивать противника. Он лег на одеяло и отметил, что крики, наконец, прекратились. Сейчас все было под контролем, и завтра, когда он переставит «Пежо», положение вещей восстановится, и он сможет спокойно перейти к следующему шагу.

Закрыв глаза, он задался вопросом, сколько же человек сейчас пытаются сложить его пазл и вычислить, как одно соотносится с другим. А это ведь только начало. Эта мысль обдала его приятной теплой волной, и он уснул.

Скоро весь класс будет лежать без сна.

12

Фабиан Риск постарался как можно тише закрыть за собой дверь, снял кеды и прошел в гостиную, которая выглядела так, будто там только что разорвалась бомба. Все вверх дном, повсюду разбросаны картонные коробки, открытые и наполовину пустые. Было почти четыре утра, и уже рассвело, так что скорее был день, чем ночь. Чтобы никого не разбудить, он почистил зубы и умылся на кухне и, несколько минут поискав полотенце, сдался и вытерся рубашкой, после чего поднялся на второй этаж.

Соня спала с краю, повернувшись спиной к его половине кровати. Плохой знак. Значит, засыпая, она по-прежнему дулась. Он осторожно залез под одеяло, и она в ответ сделала глубокий вдох и легла на спину, что можно было истолковать как протянутую руку. Ему оставалось взять эту руку.

Он решил попытаться и нащупал ее ногу. Она никак не отреагировала, продолжая крепко спать. Рука поднималась все выше, и на уровне бедра он отметил, что на ней нет трусов. Будучи уверенным в том, что истолковал ее движение правильно, он стянул одеяло и раздвинул ей ноги. Она не помогала, но и не оказывала никакого сопротивления. Он сдвинулся вниз и стал слегка водить языком по внутренней стороне ее ляжек. Сначала по одной стороне, а потом по другой. С каждым разом язык все больше и больше приближался к лону.

Он услышал, как участилось ее дыхание, и когда кончик его языка коснулся половых губ, в ответ она сжала влагище. Тогда он ввел в него палец, одновременно продолжая ласкать языком. Ее всю крутило от наслаждения, и через несколько минут она зарылась лицом в подушку, и у нее наступил оргазм.

Придя в себя, она отодвинула его голову, и ее дыхание стало замедляться. Словно она так и не просыпалась. Фабиан почувствовал, как в нем нарастает разочарование, но он знал, что нет никакого смысла продолжать, и закрыл глаза.

Картинки, которые ему так надолго удалось вытеснить, наскочили на него, как волейбольный мяч. Как все выкрикивали его имя и как он, не думая, прыгнул и ударил по мячу со всей силой. Как мяч попал в Клаеса из команды противника, и у него разбились очки. Как у него из носа потекла кровь, и все засмеялись. Даже учитель физкультуры. Даже он сам. Как Йорген вышел вперед и поднял большой палец: «Браво, Фабиан!» Как Клаес заплакал и попытался уйти домой, но учитель задержал его. «После физкультуры здесь все принимают душ!» Белый кафель и душевые вдоль стены. «Какого черта ты пялишься?» Умоляющий взгляд Клаеса. Как он предательски притворился, что ему в глаза попало мыло.

– Привет, папа! Мама сказала, что ты страшно устал и тебе надо было поспать.

Фабиан спустился по лестнице и обнял Матильду. Всю ночь его преследовали воспоминания. Вырванные из контекста, они превращались в странные кошмары. Он проснулся весь в поту и обнаружил, что уже половина десятого.

– Матильда, марш наверх чистить зубы, мы уезжаем, – сказала Соня.

– Мы едем в Данию!

Фабиан выпустил Матильду, которая поплелась вверх по лестнице, и пошел дальше на кухню, где Соня убирала со стола после завтрака.

– Доброе утро. Хорошо спал?

Фабиан кивнул.

– Как ты слышал, сегодня мы едем в Данию. В Луизиану.⁷

⁷ Датский музей современного искусства, расположенный в Хумлебеке на берегу Эресунна, в 35 км к северу от Копенгагена.

– Ух ты, здорово. А что там за выставка?

– Тео не хочет ехать.

– Это почему?

Соня пожала плечами.

– Похоже, он вообще ничего не хочет делать, если ты в этом не участвуешь.

– Соня, я больше всех хочу, чтобы...

– Знаю. Ты делаешь то, что должен. Что тебе еще остается? – Она встретила с ним взглядом. – Но если эта Нива только посмеет подумать о том, чтобы позвонить тебе еще раз, разбирать вещи и устраиваться в доме ты будешь в одиночестве.

– Любимая, все совсем не так, как ты думаешь, – он подошел к жене и взял ее руки в свои. – Она просто позвонила, чтобы...

– Ты понятия не имеешь, о чем я думаю, – она высвободила руки и стала ставить посуду в посудомоечную машину.

Фабиан прекрасно знал, о чем думала Соня. Точно так же он знал, что никогда не сможет изменить ее мнение. После нескольких неудачных попыток он отказался от идеи постараться объяснить и рассказать, что произошло на самом деле. Или, скорее, что не произошло.

– Софи Калле.

– Что? Извини...

– Ты спросил, что за выставка. Ну, ты знаешь, французенка, которая создала произведение искусства на основе мейла от ее бойфренда, в котором он рвал с ней отношения.

Когда Фабиан пришел, Тувессон, Муландер, Лилья и Утес уже заседали – и, судя по почти пустой вазе с фруктами, довольно долго. Фабиан сел на свободный стул и сразу же почувствовал, что обстановка накалена до предела. Что-то случилось.

– Да. Раз ты наконец здесь, не мог бы ты объяснить нам? – спросила Тувессон.

Все посмотрели на него вопросительно, и Фабиан понял, что дело в нем.

– Извини, но я не очень понимаю.

– Я имею в виду твое маленькое сольное турне ночью.

– А, понятно.

– У тебя явно много мыслей и идей, которыми ты по какой-то причине не хочешь с нами делиться. Это так?

– Я хотел бы подождать, пока у меня будет больше информации. Пока я не буду полностью уверен.

– Фабиан, я уже говорила, что не знаю, как вы работаете там, в Стокгольме, – сказала Тувессон, вытаскивая из шуршащей упаковки две никотиновые жвачки. – Я знаю только одно: здесь мы работаем в группе. Уверены мы или нет. Один черт. – Она положила жвачку в рот и стала энергично жевать, словно хотела как можно быстрее втянуть в себя никотин.

Фабиан почувствовал себя учеником, которого отчитали перед всем классом.

– Я думал, что получил полное представление о мотивах преступления, но, к сожалению, это не так.

– А может быть, так?

– У нас все равно нет альтернативы, – заметила Лилья.

Фабиан понял, что отступить поздно. Он встал, подошел к доске и обвел фотографию Йоргена.

– Думаю, что Йорген Польссон в каком-то смысле получил по заслугам. – Краем глаза он увидел, как его коллеги переглянулись. – Я не знаю, каким он стал после, но в школе он был страшным хулиганом. Он специализировался на ударах руками, точнее, кулаками. Он мог бить, пока костяшки не сотрутся до крови.

– А почему ты говоришь об этом только сейчас? – спросила Тувессон.

– Меня он не трогал, и я поступал, как все. Отводил глаза и делал вид, что ничего не происходит. В конце концов, стало казаться, что ничего и не происходит, и только вчера вечером я вспомнил, как он избивал одного парня именно в той душевой, – Фабиан пририсовал стрелку к одной из фотографий отпиленных рук на кафельном полу.

– А кого он избивал? – спросила Тувессон.

– Клаеса Мельвика, – он обвел Клаеса на увеличенной фотографии класса, и его коллеги подошли к доске и стали смотреть.

– Единственный в очках, – сказала Лилья.

– Этого достаточно, – сказал Утес и взял из вазы последнюю грушу.

– Ты считаешь, что его убили из мести? – спросила Тувессон.

Фабиан кивнул.

– А он мог наброситься на кого угодно? – поинтересовалась Лилья.

– В начале были всякие разные, но под конец они довольствовались Мельвиком.

– Они? Йорген Польссон действовал не один? – задала вопрос Тувессон.

– Да, вместе с Гленном Гранквистом, – Фабиан обвел Гленна на школьном фото. – Они были не разлей вода, и Гленн выполнял любые приказания Йоргена.

– А он на чем специализировался? – подал голос Муландер.

– Пинал ногами.

– Так что если твоя версия верна, ему тоже грозит опасность.

Фабиан кивнул.

– Я надеялся, что владелец «Пежо», который сейчас стоит в Дании, – Мельвик.

– Но это не так, – констатировал Муландер.

– Да, не так. «Пежо» зарегистрирован на некоего Руне Шмекеля. А насколько я знаю, таких у нас в классе не было.

– О'кей, будем считать, что у нас появился еще один след, – сказала Тувессон, допивая остатки своего кофе. – Ирен, собирай все, что можно, о Мельвике и Шмекеле. Утес, как там с остальными в классе?

– Не очень-то, если честно. Вся страна лежит в гамаках. Нам даже не удалось достать полный список класса.

– Может быть, он есть у Фабиана? – предположила Тувессон.

– К сожалению, нет. Я нашел только школьный альбом девятых классов. Но я спрошу у Лины Польссон, вдруг у нее есть.

Утес рассмеялся и похлопал Фабиана по плечу.

– Конечно, ты можешь спросить, только я уже это сделал.

– Ясно. И что она сказала?

– Что списка у нее нет. Но, по крайней мере, она перечислила несколько человек и дала их номера, большая часть которых, наверное, осталась в эпохе неолита.

– А что еще она сообщила?

– Ничего. А что она должна была сообщить?

– Может быть, ей что-то пришло в голову после того, как я с ней говорил? – спросил Фабиан, понимая, что загоняет себя в угол. – Ну ладно. Тогда, наверное, список класса есть в школе?

– Возможно, – отозвался Утес. – Но по словам завхоза, списки классов и все такое есть только начиная с выпуска 1988 года.

– А почему именно с 1988 года? – спросила Лилья.

– Потому что тогда появилась электронная база данных. До этого были копии в бумажных архивах.

– Которые, конечно, не сохранились.

– Нет, сохранились, но они давно отправлены в Городской архив.

- А туда ты обращался? – спросила Тувессон.
- Пока нет, но обязательно обращусь.
- Хорошо, – Тувессон повернулась к Фабиану. – А тебя я хочу видеть в моем кабинете через пять минут.

Кабинет Тувессон выглядел совсем не так, как представлял себе Фабиан. После поездки в ее прокуренной машине он ожидал увидеть все, что угодно, но только не эту скромно обставленную комнату с большим чисто убраным письменным столом посередине, кожаными диванами в углу и несколькими плакатами в рамках из художественного музея в Лунде на выкрашенных в белый цвет стенах.

Он пробежался глазами по корешкам на книжном стеллаже вдоль короткой стены. Помимо множества книг по специальности, он увидел добротную подборку криминальных романов начиная с «Дочери времени» Джозефины Тэй и заканчивая «Третьим» Грэма Грина.

Подойдя к окну, Фабиан стал смотреть на открывающийся вид. На другой стороне автостреды виднелась крыша здания, в котором располагается газета «Хельсингборгс Дагблад», а еще через несколько километров – школа в районе Фредриксдаль. Он попытался определить, в каком именно доме из красного кирпича находится школа, но здание было слишком низким, и его загораживали впереди стоящие дома.

Часы показывали, что Тувессон опаздывает на полторы минуты, и Фабиан стал размышлять, не нарочно ли это. Она появилась еще через полторы минуты с двумя только что купленными стаканчиками кофе латте, которые поставила на письменный стол.

От нее пахло дымом, и Фабиан подумал, не из-за его ли поездки в Данию ей теперь требуется больше никотина.

- А ты уже пробовал здешний кофе?
- К сожалению, да, – ответил Фабиан, садясь на стул для посетителей.
- Этот автомат стоил целое состояние. В нем как минимум тридцать разных кнопок и дисплеев и бог знает чего еще. В нем только нет хорошего кофе. За хорошим кофе надо ехать в кафе на улицу Бергавеген.

Фабиан попробовал кофе и не мог не согласиться, что латте почти идеален. Не слишком горячий и молока в меру.

– Фабиан, а теперь я хотела бы знать, что ты не понял на нашем совещании? – от ее улыбки не осталось и следа.

- Извини, разве я...
- Что было такого непонятного в моих словах о том, что мы работаем в группе? В команде.

– Ничего.

– Нет, было. Наверняка было, поскольку ты по-прежнему не понял до конца, – Тувессон замолчала, давая ему возможность высказаться, но он не знал, что сказать. – Конечно, тебя окунули во все это, толком не рассказав, как мы работаем. Мы же едва знаем друг друга. Это многое объясняет. Но я надеялась – и даже ждала, – что ты воспользуешься шансом и расскажешь все на сегодняшней встрече. Но ты этого не сделал. Так же, как и сегодня ночью. Когда мы говорили по телефону, ты сказал, что едешь домой. Но ты ехал не домой, так ведь?

Откуда она знает?

- Ты повернул обратно на заправку. Почему?
 - Я почти убедился в том, что машина имеет отношение к преступнику, и хотел подстраховаться, чтобы он не смог забрать ее.
 - Это как?
 - Я снял одно заднее колесо и оставил его в магазине.
- Похоже, Тувессон требовалось время, чтобы обдумать его слова.

– Значит, ты снял колесо и отдал его работникам магазина?

– Да. И они обещали дать знать, если кто-то будет о нем спрашивать.

Тувессон, судя по ее виду, не могла решить, как ей реагировать. Они находились на перепутье.

Что бы она ни выбрала, это надолго повлияет на их дальнейшие рабочие отношения.

– Ладно. Давай надеяться, что он не будет трогать машину, пока за дело не возьмутся датчане.

– А ты уже с ними связывалась?

Тувессон кивнула.

– Да, кстати. А то забуду. Вот твой пропуск, – она протянула Фабиану пластиковую карточку. – Код 5618. Все понятно?

Фабиан кивнул, взял пропуск и вышел из комнаты.

– Ну что, получил нагоняй?

Фабиан остановился и просунул голову в дверь комнаты Ирен Лилья.

– Есть немного.

– Тогда наверняка по заслугам. Вообще-то я не люблю женщин-начальников. Но она хорошая, чтоб ты знал. Будь я на ее месте, я бы и близко не подпустила тебя к этому расследованию.

– Но ты не на ее месте.

– Да, именно, – Ирен встретила с ним взглядом. – Входи, у меня для тебя есть подарок.

Фабиан вошел в кабинет, полную противоположность кабинету Тувессон. В маленькой комнате громоздились стопки разных предметов, вот-вот готовые рухнуть. Стопки были такой высоты, что Фабиан подумал, если они не падают, значит, вещи приклеены друг к другу. На окне висела желто-оранжевая индийская ткань с золотыми слониками и маленькими вшитыми зеркальцами, а в углу на подстилке лежал раскрытый спальный мешок. Одна стена представляла собой большую доску с прикрепленными фотографиями и записками, от которых во все стороны шли стрелки и странные символы. Посреди всего этого за маленьким письменным столиком сидела Лилья.

– Можно спросить, за что?

Лилья засмеялась.

– А разве это не очевидно? Я понимаю мотивы Тувессон. Ты наверняка владеешь бесценной информацией. Но ничто не может снять с тебя подозрений, как и с любого другого из твоего класса. Кроме твоей версии о Мельвике.

– Да, ты совершенно права, – сказал Фабиан, пытаясь остановить на чем-то взгляд. – Ты что-то говорила о подарке?

Лилья просияла и кликнула мышкой, после чего забурчал принтер.

– Вон там, – она кивнула в сторону принтера, спрятанного за книгами и папками.

Фабиан взял распечатку как можно более осторожно, стараясь ничего не опрокинуть, и посмотрел на нее.

– Гленн Гранквист?

– Правая рука Йоргена Польссона, если верить тебе. Есть только три человека с таким именем – один живет в Эльвсбюне, другой – в Эребру, так что даю голову на отсечение, что наш живет в Эдокре. Похоже, не самый умный человек на свете. Он окончил только девять классов, кое-как отслужил в армии и скоро будет праздновать 25-летие с начала своей работы в качестве водителя автопогрузчика на складе стройматериалов в Осторпе.

– Почему меня это несколько не удивляет? – сказал Фабиан, направляясь к двери. – Попробую с ним связаться. А потом пойдем обедать?

– Да, почему бы и нет?

– А если ты узнаешь нечто подобное о Руне Шмекеле, могу даже угостить тебя.

Лилья улыбнулась, и Фабиан прочитал ее мысли.

– Пожалуйста, продолжай подозревать меня на здоровье.

Фабиан уселся на навороченный футуристический стул, который теперь показался ему по-настоящему удобным, и начал набирать в мобильном номер Гленна.

– А ты, я вижу, уже освоился.

Фабиан обернулся и увидел Муландера.

– Я только хотел спросить: не хочешь с семьей прийти к нам сегодня на барбекю?

– Прямо сегодня?

– Если у вас другие планы, понимаю. Но если нет, то сегодня пятница, светит солнце, и все такое. Остальные тоже будут, так что...

– Большое спасибо. Только поговорю с женой.

– Конечно. Никаких проблем, – Муландер пошел дальше.

Фабиан задумался: у него паранойя, или Муландер тоже считает его потенциальным преступником и именно поэтому пригласил его? Но независимо от этого он должен пойти.

Через пять минут Муландер вернулся с полной чашкой кофе.

– Ну что? Получил согласие от жены?

– Нет, но в любом случае можешь на меня рассчитывать.

– Хорошо, – сказал Муландер и хотел было пойти дальше.

– Да, кстати, вот этот Хуго Эльвин, на чьем месте я сижу, – что он за тип?

– Хуго? – Муландер рассмеялся. – Этого человека невозможно описать. Его надо как следует прочувствовать. Но будь я на твоём месте, я бы не очень трогал его вещи, особенно стул. Мягко говоря, Эльвина лучше не раздражать понапрасну. До вечера. – И Муландер исчез.

Фабиан посмотрел вниз на все рычаги и кнопки на стуле, понял, что уже поздно, достал мобильный и позвонил Гленну. Через шесть гудков автоответчик сказал голосом Роберта де Ниро:

– *You talking to me?*⁸

⁸ Вы говорите со мной? (англ.) Фраза из фильма «Таксист».

13

Он наслаждался каждой секундой из четырех часов сна на одеяле, пока не прозвенел будильник. Спал он крепко. Крепче, чем планировал, а это значит, что он расслабился и чувствует себя в безопасности. Чересчур в безопасности, как он понял несколько минут назад, когда собрал вещи и обнаружил, что у него гости.

Упаковка яблочного пирожка была разорвана, а от него самого остались одни крошки. Зато повсюду был разбросан крысиный помет. Значит, они были более голодными, чем он предполагал. Удача снова была на его стороне, напомнив ему о том, что вообще-то на удачу рассчитывать не стоит.

Он выбрался из склада через окно и пошел к машине, спрятанной в кустах на другой стороне улицы. Ни единой живой души. Только он и утро. Он спокойно стянул ботинки и темную рабочую одежду, умылся водой из канистры, стоявшей в багажнике, и надел на себя короткие брюки песочного цвета с большими боковыми карманами, голубую тенниску, желтую кепку и пару зеленых кроссов.

В новой одежде он чувствовал себя клоуном, зато теперь выглядел как самый обыкновенный швед, который поехал в Данию попить пивка. Он положил в рюкзак сменную футболку розового цвета, бутылку воды, перчатки, фотоаппарат со сменным объективом, веревку, ключи от «Пежо», карманный фонарик, а также строительный нож и шприц с пропофолом. Последнее – просто на всякий случай, до таких крайностей вряд ли дойдет.

Он вовремя прибыл на вокзал Кнутпунктен в Хельсингборге и по пути через пролив смог выпить пресловутое пиво и заесть его большим бутербродом с креветками, обильно политым майонезом. Он заставил себя съесть все. В следующий раз он поест нескоро. В 10:55 он выехал на поезде из Хельсингера и в 11:41 прибыл в Копенгаген. Там у него было 19 минут для посещения такого отвратительного туалета, что он чуть было не опоздал на электричку до Рингстеда. Через 34 минуты он приехал на станцию Рингстед, откуда пошел пешком на автобусную остановку.

Солнце прибавило жару, температура поднялась до 35 градусов, и он радовался, что оделся так легко. Даже кроссы неожиданно оказались удобными. В 13:00 он сел в автобус и занял самое переднее место. Он не любил сидеть в хвосте. Особенно в такую жару, когда в автобусе было полно потных пассажиров.

В 13:28 он сошел с автобуса у школы в Леллинге и наконец смог несколько раз глубоко вдохнуть воздух без примеси чужого пота. Заправка, рядом с которой он припарковал машину полторы недели назад, находилась меньше чем в трехстах метрах от школы, т. е. максимум в двух минутах ходьбы. Но он пошел в обход по маленьким улочкам, описав широкий круг в районе заправки, чтобы убедиться, что нигде не дежурят полицейские.

Сначала он испытал облегчение, но когда спустя какое-то время понял, что не встретил ни одного человека и что весь поселок словно вымер, начал беспокоиться. Где все? Он что-то пропустил?

Только когда он прошел мимо дома с открытыми окнами и услышал звук телевизора, все встало на свои места. В отличие от Швеции, Дания прошла на чемпионат мира по футболу и теперь играла в Южной Африке.

Иными словами, это был идеальный момент, чтобы забрать машину. Проходя мимо сада, заставленного фигурками гномов, он укрылся за деревьями, достал фотоаппарат и снял с приближением заправку в пятидесяти метрах от него. Людей видно не было, и «Пежо» стоял на том самом месте, на котором он его оставил. Только к стеклу кто-то прикрепил записку. Ну, бывает.

Он убрал фотоаппарат и торопливо пошел к машине. С каждым шагом у него учащался пульс, но все уляжется, как только он повернет зажигание и уедет отсюда. Это только доказывало, что организм качает адреналин и что он сосредоточен.

Но чем ближе он подходил к машине, тем сильнее становилось чувство, что что-то не так. Машина стояла под углом, словно вот-вот завалится вперед. И только подойдя вплотную, он увидел, в чем дело, и сорвал записку.

**МАШИНА ЗАДЕРЖАНА ПО ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА
ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ К ПЕРСОНАЛУ**

14

Ирен Лилья предложила встретиться в кафе «Olsons Skafferi» рядом с площадью Мариа-торгер в самом начале второго. Фабиан знал это место – он бывал здесь несколько раз в последние годы перед переездом в Стокгольм. Тогда это было новое и богемное место. Теперь оно перешло в разряд классики.

Он пошел по улице Хельсубаккен. По дороге дозвонился до Сони, которая вместе с Матильдой обедала на террасе в кафе музея Луизиана, откуда открывается вид, явно стоящий всей поездки.

Он рассказал о приглашении на барбекю к Муландеру, и, к его удивлению, жене эта идея понравилась. Им все равно надо обзаводиться новыми знакомыми, и если среди его коллег есть приятные люди, то почему бы с ними не подружиться.

Сначала Фабиан подумал, что она иронизирует. Соня никогда особо не стремилась встречаться с его друзьями. Еще меньше – с его коллегами. Но потом он решил принять ее согласие как желание сделать то, о чем они договорились: дать их жизни честный шанс. Они условились встретиться дома около пяти, а он по дороге купит вино.

Он нашел свободное место на улице Хестмелленгрёнден напротив винного магазина, где осмотрел полки в поисках достойного выбора. Как обычно, все кончилось несколькими бутылками риохи, взятыми наугад, хотя и с дорогой полки.

Еще недавно, пару лет назад, неумение разбираться в винах не давало ему покоя. Как только у него в руках оказывалась винная карта и ему предстояло сделать выбор, его охватывала паника. Он попытался исправить положение и пошел на курсы сомелье. Но уже через несколько встреч, на которых он старался испытывать хоть какой-то энтузиазм, дегустируя вина и обсуждая года урожая и сорта винограда, он признал, что ему не суждено блистать познаниями в этой области.

Он вошел в кафе и увидел, что Ирен Лилья уже ждет его за столиком у окна в самом дальнем углу.

– Что скажешь о косуле по-сконски с обжаренными в масле лисичками, пюре из пастернака и картофельными блинами, а также телячьим студне, приправленном брусникой?

Фабиан кивнул и сел.

– Хорошо, потому что я уже заказала для нас обоих. К тому же это самое дорогое блюдо, – продолжила она, кладя на стол папку.

– Шмекель?

Лилья кивнула.

– И?

– Пока что я смотрела только в Интернете, но уже совершенно ясно, что он нам интересен, и, похоже, у него полный шкаф скелетов. Он того же года рождения, что и ты, 1966-го. Одинокий, детей нет, работает в больнице Лунда – что примечательно – хирургом.

– Хирург? А какая специализация?

Лилья кивнула и откусила кусочек хлеба.

– В 1997 году он начал работать в больнице Лунда и скоро стал одним из лучших в стране специалистов по операциям рака простаты. Но в 2004-м допустил врачебную ошибку и на двенадцать месяцев был отлучен от профессии.

– А что за ошибка?

– Он забыл в пациенте два пластмассовых зажима.

– Надо же, он что, забыл их в самом...

Лилья кивнула и сделала глоток минеральной воды.

– В мочевом пузыре. Пациенту Торгни Сёльмедалю пришлось избавляться от них путем мочеиспускания, и он якобы сказал, что это было самое страшное испытание в его жизни. Какая ирония, если вспомнить о фамилии Руне⁹, ты не находишь?

– И на этом все кончилось?

– Нет, насколько я понимаю, началось очень серьезное расследование. Дело раздули дальше некуда. Как бы то ни было, оказалось, что Руне страдал от нехватки сна и, чтобы выполнять свою работу, глотал таблетки горстями, как Майкл Джексон, но это не помогало. Но руководство больницы поддерживало его все это время, и год спустя он опять взял в руки скальпель. Но теперь он главным образом занимается паховыми грыжами и прямой кишкой.

– Были ли еще инциденты?

– Больше я ничего не нашла.

– Хорошо, а что ты выяснила о его прошлом?

– Более или менее ничего, что подозрительно. С 1994 года и до сегодняшнего дня все в основном нормально. Образование, места работы, различные домашние адреса, телефонные номера, собственные машины и так далее. Например, каждый год он бежит Хельсингборгский марафон Springtime.

– С какого года?

– В том-то и дело, что с 1994-го. До этого почти нет никаких сведений. Я нашла его только в Википедии, где написано вот что: «Руне Шмекель вырос в Мальме, где окончил гимназию (естественные науки) с наивысшими баллами. После этого служил в армии в качестве командира отделения в Кристианстаде». Вот и все. До этого его как будто не существовало.

– Значит, ты не веришь этим сведениям?

– Во всяком случае, он не служил в армии в Кристианстаде. Он кое-что выдумал, чтобы приукрасить свою биографию.

– А зачем ему это надо?

Лилья просияла и наклонилась к нему:

– Чтобы скрыть, что на самом деле ничего не было.

Ее предположение не было лишено основания. В 90-е Интернет находился в зародыше, но обычно имелось достаточно информации, чтобы получить представление о человеке. Пустота имеет обыкновение заполняться. Но явно не тогда, когда речь идет о Руне Шмекеле.

– А ты нашла его фотографию?

– Третья страница, – Лилья протянула папку Фабиану, и он почувствовал, как при взгляде на фото Руне Шмекеля внутри у него что-то щелкнуло. Он никогда раньше не видел этого человека, и, тем не менее, что-то в его лице показалось ему знакомым. Он попытался было понять, что именно, но оставил эти попытки, когда принесли еду.

Через несколько минут Лилья нарушила молчание:

– Положа руку на сердце. Ты и твоя семья – вы переезжаете в Хельсингборг или сбегаете из Стокгольма?

Фабиану пришлось прожевать кусок косули по-сконски, который он только что положил в рот, и только потом он смог ответить:

– Не понимаю. Ты о чем?

– О тебе и твоей жене.

– Соня, ее зовут Соня.

– Ты и Соня, у вас все в порядке, или как у большинства?

Фабиан ни на секунду не сомневался, каким должен быть ответ. Тем труднее было придумать, что сказать.

⁹ Фамилия Руне Шмекель. М.б. намек на то, на что «шмекл» и «шмекеле» пришли из детской речи на идише – что-то вроде «пиписька». Это объяснение дает канадский писатель Векс Майкл в своей книге «Жизнь как квеч. Идиш: язык и культура»

– Извини, не хотела наступать на большую мозоль.

– Ничего страшного. Ты меня немного ошарашила. Но мы скорее переезжаем в Хельсингборг. Хотя у нас, как у большинства, есть свои взлеты и падения. А у тебя? Давно живешь на работе?

– С прошлой недели. Бред какой-то. Он отказывается переезжать, хотя вообще-то квартира моя.

– Может быть, он надеется, что ты вернешься?

Лилья фыркнула.

– Об этом пусть забудет. Ты себе не представляешь, какой это мерзавец, и, черт возьми, между нами все кончено, даже если я буду спать на работе до конца лета. – Она продолжила есть молча, а потом встретила с ним взглядом. – Да, кстати. Происшествие в израильском посольстве прошлой зимой, это ведь твои коллеги?

Фабиан ждал этого вопроса и молча кивнул.

– Что произошло на самом деле?

– Вот вообще без понятия.

– Понимаю, еще идет следствие. Правда, странно, что об этом так мало писали в газетах? Ведь погибло двое полицейских. Что скажешь?

– Не знаю, – Фабиан пожал плечами. – Кстати, я попытался связаться с Гленном Гранквистом...

– Похоже, это дело замяли. Так ведь?

– Я же сказал, что понятия не имею.

– Извини. Тебе, наверное, нельзя об этом рассказывать. Бог с ним. Забудь. Кофе?

Фабиан кивнул, и Лилья пошла за кофе. Он понимал ее любопытство. Возможно, на ее месте он бы задавал те же самые вопросы. С одной только разницей: он никогда бы не задал их вслух. Но Лилья хотела получить ответы и не церемонилась с расспросами. И хотя она пристала к нему, как назойливая муха, она ему нравилась.

– Ты попытался связаться с Гранквистом, – Лилья поставила чашки с кофе на стол.

– Да, но он не отозвался, и я решил поехать к нему домой.

– А я собираюсь заглянуть в реестр народонаселения и посмотреть, что у них есть о Шмекеле, – сказала Лилья, залпом выпив свой кофе.

– И мы как можно быстрее должны попасть в его квартиру.

– Да, Тувессон обещала сделать все, что в ее силах, но из-за отпусков это может произойти не раньше конца следующей недели.

– Да? Будем надеяться, что все решится раньше.

– Что значит «надеяться»? – сказала Лилья, поднимаясь.

Полицейский не *надеется*. Полицейский действует и целенаправленно работает до тех пор, пока преступник не будет схвачен, а также заботится о том, чтобы доказательств хватило для обвинительного приговора. И все же он выразился именно так. Он задумался, почему, повернул зажигание и свернул на улицу Дроттнинггатан.

Он уже сдался и понял, что битва проиграна? Что независимо от того, как будут развиваться события, он совершенно бессилен перед развязкой, и его единственный козырь – слабая надежда на то, что все в конечном итоге образуется, как в воскресном фильме на канале ТВ4. На самом деле он понятия не имел, как все закончится. Наверняка он знал только одно: что-то в этом деле внушало ему страх. Впервые за долгое время он боялся.

Того, что до конца еще очень далеко.

Того, что начнется, когда окажется, что он потерпел неудачу.

Снова.

Фабиан нажал на газ, чтобы успеть в «зеленый коридор», который сопровождал его всю дорогу от улицы Хельсубаккен. Мимо полицейского участка он проехал со скоростью 145 км в час. В районе Велы ему позвонила Тувессон.

– Я только что говорила со Стеном Хаммаром по поводу обыска у Шмекеля.

– И?

– К сожалению, он считает, что оснований недостаточно, и меня это не удивляет. У нас есть только машина, которая проехала по Эресуннскому мосту одновременно с жертвой, и теперь стоит на парковке в Дании рядом с заправкой. Этого недостаточно. Нам нужно что-то более конкретное.

Тувессон права. Проблема только в том, что *что-то более конкретное* вполне может находиться в квартире.

Он вставил в CD-плеер диск «Nail to the Thief»¹⁰ группы Radiohead и прибавил громкость. Под последние такты композиции «2 + 2 = 5» свернул в сторону Эдокры и вскоре притормозил на улице Юпитервеген у дома Гленна Гранквиста. Выйдя из машины, обвел взглядом окрестности, пустынные, словно после ядерной катастрофы.

Дом Гранквиста выглядел, как все остальные: побеленный фасад, два этажа с покатой крышей и отдельно стоящий гараж. Большая часть участка находилась за домом.

Фабиан направился к главному входу, заметив, что дом освещен снаружи, хотя солнце по-прежнему в зените. Люстра в гостиной тоже горела. Значит, он пришел слишком поздно, и Гленн уже получил свое наказание? Или версия с издевательствами в школе завела его в тупик?

Он решительно позвонил в дверь и долго держал кнопку звонка, глядя на секундную стрелку наручных часов. Он решил выждать шестьдесят секунд.

Веря, что Гленн в добром здравии откроет ему дверь, он не мог отрицать, что в самой глубине души надеется на обратное. Тогда все его сомнения относительно мотива преступления как рукой снимет.

Но дверь никто не открывал.

Он позвонил опять. В этот раз он держал кнопку еще дольше.

Шедшая мимо женщина с коляской бросила на него подозрительный взгляд. Он улыбнулся в ответ.

– Вы случайно не знаете, Гленн Гранквист, ну, который здесь живет, дома?

Женщина покачала головой.

– В доме горит свет. Вы случайно не видели его в последние дни?

Она снова покачала головой и поспешила дальше.

– Ну ладно. – Он достал мобильный и набрал домашний номер Гленна, который взял у Лилли. Он четко слышал звонки.

В своем мобильном...

И в доме...

И на английском: «You talking to me?»

В этот раз Фабиан оставил сообщение, представившись и попросив Гленна отозваться как можно быстрее. После этого позвонил Гленну на мобильный и оставил точно такое же сообщение, между тем обходя дом с задней стороны.

Сад представлял собой большую лужайку, окруженную изгородью высотой не более метра. За изгородью находилось открытое поле. Идеально для того, кто хотел бы прийти без приглашения. Но Фабиана заинтересовало не это, а колючая проволока.

Фабиан ничего не понимал. За каким дьяволом кому-то понадобилось разложить колючую проволоку по всей лужайке? Он сел на корточки и осторожно потрогал острую проволоку, длинные спирали которой лежали вдоль и поперек лужайки. В ту же секунду издали послы-

¹⁰ (В пер. с англ. – «Да здравствует вор») – шестой студийный альбом группы.

шалось что-то вроде кудактанья. Он повернулся, но не успел определить, откуда идет звук, как все стихло. Он взял колючую проволоку большим и указательным пальцем и вздрогнул. Вновь послышалось кудактанье, на этот раз достаточно громкое, чтобы он смог обнаружить, что оно раздается из приоткрытого окна на верхнем этаже. Он встал и сделал несколько шагов к дому, чтобы лучше видеть, и наткнулся прямо на леску, натянутую между колючей проволокой и тем, что оказалось бамбуковой лебедкой, висящей за окном.

Значит, Гленн сделал точно такой же вывод, как и он сам. Теперь, когда с Йоргеном покончено, настала очередь Гленна, и он явно не хотел, чтобы его застали врасплох, как Йоргена. Не ошибся ли он в своих опасениях? А если нет, удалось ли ему защититься?

Размышления Фабиана прервал мобильник. Он достал телефон и посмотрел на дисплей: 0765-26 11 10. Повторив мысленно номер, понял, что только что звонил на него.

– Да, это Фабиан Риск, – он попытался говорить как можно более спокойным и нейтральным тоном. Но ему не ответили. Воцарилась полная ожидания тишина. Он только слышал в трубке чье-то дыхание.

– Алло? Кто это?

– Вы мне звонили.

– Это Гленн Гранквист?

– Да.

– Может быть, ты меня не помнишь, но мы учились в одном классе.

– Фаббе? Это ты?

– Да, да. Как твои дела?

– Да так, сплошные проблемы. Сам знаешь, как оно бывает. Как сам? Я слышал, ты заделался ментом и восьмеркой¹¹.

– Было дело. Но теперь я переехал обратно и работаю в криминальном отделе здесь, в Хельсингборге.

– Вот оно что. Тогда мне лучше вести себя прилично.

Фабиан рассмеялся и решил перейти к делу:

– Я думаю, ты понимаешь, почему я тебя искал.

– Йогги.

– Именно.

– Чудовищно. Я читал об этом в газетах, и... Черт возьми. У тебя есть хоть малейшее представление о том, кто это может быть?

– Мы прорабатываем... Несколько параллельных версий, – Фабиан собрался было ответить, но сдержал себя. Он не мог понять, в чем дело, но у него возникло какое-то смутное подозрение, и он насторожился.

– Значит, я одна из них?

– В каком-то смысле. Вы же были лучшими друзьями, во всяком случае, как я помню по школе. Так вот я подумал: может быть, вы до сих пор общались?

– Да, Йогги был моим самым лучшим другом.

– Понимаю. Ты, наверное, ужасно себя чувствуешь. А мы не могли бы встретиться? Ты бы помог мне с кое-какими вопросами.

– Конечно, мы можем встретиться. Только не сейчас. Если только ты не приедешь сюда.

– А куда сюда?

– Солнечный берег, Болгария. Здесь классно. Никогда не видел на одном пляже столько телок, готовых дать.

Проклятье. Из-за этих чертовых отпусков невозможно работать. Он сам с тем же успехом мог взять запланированный отпуск и отложить расследование дела до 16 августа, когда почти

¹¹ Так в Швеции в шутку называют жителей Стокгольма, поскольку код города – 08.

все вернутся. С другой стороны, может быть, именно поездка на Солнечный берег и спасла Гленну жизнь?

– А когда ты уехал?

– Вчера, первого июля. Пробуду здесь две недели, до пятнадцатого.

Вчера. В тот же день, когда они дали информацию об убийстве в газеты. Если, как он говорит, он прочел об этом в газетах, у него не было достаточно времени натянуть колючую проволоку на всю лужайку.

– Когда ты в первый раз услышал об убийстве?

– Несколько дней назад мне позвонила Лина и все рассказала. А что такое? Меня что, в чем-то подозревают?

– Когда ты узнал об убийстве, ты почувствовал угрозу? Поэтому ты уехал?

– Почему я должен был почувствовать угрозу?

Или Гленн лжет, или с ним говорит другой человек, отметил про себя Фабиан.

– Может быть, то, как и где был убит Йорген, внушило тебе некоторое беспокойство? – он сказал больше, чем должен был. Ничего не подделаешь, он хотел вызвать реакцию. Заставить человека на другом конце провода раскрыть свои карты.

– Ты уж меня извини, но что ты несешь?

Фабиан решил надавить на него.

– Зачем ты тогда натянул столько колючей проволоки за домом и соединил ее с лебедкой на верхнем этаже?

Повисло напряженное молчание.

Достаточно долгое, чтобы развеять сомнения Фабиана.

Разговор оборвался.

18 октября

Сегодня не слышал, что говорила учительница. Видел только, как двигается ее рот. И тут Юнас, который сидит за мной, постучал по моему плечу. Сначала я решил не оборачиваться и сделать вид, что не заметил, но потом все же обернулся, потому что знаю, что он один из тех, кто ко мне неплохо относится. Он плюнул мне в лицо и сказал, что передает привет от «сам знаешь кого». По его глазам было видно, что на самом деле ему неприятно. Я поступил бы точно так же.

Сегодня мама спросила, почему я в синяках. Я ответил, что упал на физкультуре. Думаю, она мне поверила.

И все же они опять сделали это сегодня на перемене. Они сказали, что я ябеда, хотя это не так. У меня пошла кровь из носа, а они взяли мою шапку и написали в нее, а потом заставили меня снова ее надеть. Когда я пришел домой, я помылся в душе, выстирал шапку и высушил ее маминым феном. Думаю, она ничего не заметила. Надеюсь, что нет.

Я должен давать сдачи, но я боюсь. Их двое, а я один. К тому же они бьют кулаком, хотя так нельзя. В фильмах можно, а в жизни нет.

О себе:

1. Трусливый.
2. Никчемный.
3. Слабый.
4. Уродливый.

P.S. Если бы я был своим одноклассником, я бы тоже издевался над собой. Я ниже нижнего. Проклятый выродок. Черт возьми, как же я себя ненавижу.

15

Уже больше получаса назад Фабиан должен был заехать домой, забрать Соню с детьми и поехать вместе с ними на барбекю к Муландеру. Но он был где угодно, только не на пути домой. Сейчас важно было не терять драгоценное время. Он позвонил Тувессон и оставил на ее автоответчике короткое сообщение. Вероятно, она упорно добивалась от датчан разрешения забрать «Пежо». Она ведь не может знать, что полученная им информация во многом облегчила бы ее работу.

В ожидании звонка Тувессон он пробрался в дом Гленна через дверь на террасу и осмотрел его, но не нашел ничего интересного.

Несмотря на это, Фабиан был полностью уверен, что безошибочно определил мотивы преступления. Гленн Гранквист был не на Солнечном берегу в Болгарии, Гленн Гранквист был мертв. Также Фабиан был уверен в том, что говорил с преступником. Они хорошо сыграли свои роли, при том что, вне всякого сомнения, оба понимали, как на самом деле обстоят дела.

Фабиан припарковался у полицейского участка и поспешно прошел внутрь. На охране никого не было, и ему пришлось в первый раз использовать свой пропуск. К собственному удивлению, он вспомнил код, и, пока ехал в лифте наверх, позвонил домой.

– Привет, папа. Мама говорит, что ты должен был быть здесь еще полчаса назад.

– Да, малышка, мама совершенно права. – Он вышел из лифта. – У папы на работе возникли кое-какие дела, и папа должен с ними разобраться.

– Она так и сказала. А еще она сказала, что, наверное, никакого барбекю сегодня не будет, и что наверняка это ты звонишь.

– Так и сказала? Откуда она смогла все узнать?

– Не знаю. Но ведь только у тебя и у той, которой нельзя звонить, есть наш новый номер, и если бы ты захотел позвонить маме, ты бы позвонил ей на мобильный. А ты надеялся, что к телефону подойду я или Тео.

Из нее выйдет хороший полицейский, подумал Фабиан и попросил свою дочь передать, что барбекю точно отменяется, поскольку Муландер тоже будет работать всю ночь.

Он прошел в свой отдел, но никого там не застал. Куда все запропалились? Конечно, сегодня пятница, но в самом разгаре расследование преступления, которое может стать самым тяжким в истории полиции Хельсингборга. Он открыл дверь в кабинет Астрид Тувессон, где было так же пусто, как и во всем отделе. Подошел к панорамному окну и достал свой мобильный, чтобы опять позвонить ей. Но тут позвонили ему. Это был Муландер.

– Але. Ты где есть?

– Где? На работе.

– А какого черта ты там делаешь?

– Тут выяснились кое-какие обстоятельства по делу, так что, думаю, нам надо сегодня все отменить и...

– Что значит отменить? Барбекю уже жарится. Ничего отменить нельзя, – сказал Муландер без тени интереса к тому, что могло выясниться по следствию.

– К сожалению, Ингвар, мне надо работать. Давай отложим до другого раза. Кстати, а ты не знаешь, где Тувессон?

– Здесь. Где же ей еще быть?

Фабиан посмотрел на мобильный так, будто ему звонили с другой планеты.

– Добро пожаловать и проходите! Вы, наверное, новенькие, – закричала женщина; она явно гордилась своим слишком сильным загаром. – Мы только вас и ждем. Меня зовут Гертруда Муландер. Входите, входите. Что будете пить?

Соня с детьми вошли вслед за Гертрудой в дом, и Фабиан сразу же почувствовал облегчение. Они ехали сюда не больше четверти часа, но в машине стояла гнетущая, почти невыносимая тишина. Он спросил о Луизиане. Правда ли там так красиво, как все говорят, и собираются ли они туда еще раз.

Соня не затруднила себя ответом ни на один его вопрос. Но когда они приехали, он понял, что настроение у нее улучшилось. Им явно была нужна именно такая Гертруда.

Пройдя в дом, Фабиан убедился, что Ингвар Муландер женат на настоящем коллекционере. На стене в гостиной висела одна из самых больших коллекций тарелок, которые он когда-либо видел, а в шкафу-витрине с подсветкой вместо бокалов и бутылок стояли хрустальные совы всех мыслимых форм, цветов и размеров.

– Правда, красиво? – воскликнула Гертруда, идя им навстречу.

Фабиан кивнул, хотя никогда не понимал увлечения хрустальными безделушками.

– Это ты собираешь?

– Нет, но я положила начало этой коллекции, когда первый раз путешествовала на поезде по Европе.

– Значит, это Ингвар?

– Ингвар? Ты считаешь, он способен увлечься хрустальными безделушками? – спросила она так, словно никогда не слышала более глупого вопроса. – Нет, честно говоря, я не знаю, кто. Но догадываюсь, что большинство моих друзей приложили к этому руку. Теперь ты тоже об этом знаешь, и в следующий раз здесь окажется новая маленькая сова.

– Получается, люди покупают их и ставят сюда, ничего не говоря?

– Не спрашивай меня. Пойдем, тебе надо что-нибудь выпить.

Гертруда провела его в сад с задней стороны дома. Сад оказался именно таким, каким его себе представил Фабиан после того, как увидел дом. Лужайка с садовыми гномами, ветряными мельницами и фонтанами была подстрижена так скрупулезно, что ее можно было принять за компьютерную анимацию. Здесь был даже маленький пруд с мостом. Матильда попала в настоящий рай, и она носилась туда-сюда по участку, словно хотела побывать во всех местах сразу.

– Папа! Иди сюда! Посмотри, в пруду полно рыбы!

– Не сейчас! Покажи лучше Теодору! – прокричал он в ответ. Теодор, каким-то чудом сумев оторвать глаза от мобильного, посмотрел на него усталым взглядом.

В гостях собрался весь отдел. Даже Флориан Нильссон, в честь приема надевший красную рубашку с боковой застежкой, которая навела Фабиана на мысль о Мидже Юре и о том, как давно он не слушал его сингл «After a Fashion». Сам Муландер стоял у мангала с таким видом, будто речь шла о жизни и смерти.

– Наконец-то! Фабиан, иди сюда, познакомься! – прокричала ему Ирен Лилья, стоявшая рядом с коротко подстриженным мускулистым мужчиной в потертых джинсах, розовой рубашке и с большой щепоткой жевательного табака под губой. Фабиан подошел поздороваться.

– А мы уже начали беспокоиться, где же ты, – сказала Лилья. – Это Фабиан, мой новый коллега, а это Хампан.

– Ты тоже полицейский? – спросил Фабиан, пожимая мужчине руку.

– Нет, я ее парень, – ответил мужчина, улыбнувшись так широко, что стала видна половина щепотки.

– Вот оно что. Тогда понятно, – Фабиан посмотрел на Лилью, но не получил никакой помощи.

– Тебе лучше к ней не прикасаться, а не то отведаешь вот что, – продолжил мужчина и напряг один бицепс.

– Вау, – рассмеялся Фабиан и сразу услышал, как жалко звучит смех. – Пойду поищу, что выпить.

Он подошел к сервировочному столу, открыл пиво и спросил себя, хватит ли одной банки. Соня, похоже, пила уже второй бокал красного вина и горячо обсуждала с Гертрудой свою живопись. Фабиан, воспользовавшись моментом, присоединился к Астрид Тувессон и Утесу – каждый держал в руках джин-тоник – и рассказал им, что, по его мнению, ему звонил преступник.

– А почему ты так думаешь? – спросил Утес.

– Он звонил с телефона Гленна Гранквиста, а я уверен, что Гленн мертв.

– Ты хочешь сказать, что его убили? – Тувессон сделала большой глоток.

Фабиан кивнул:

– У него в саду было полно колючей проволоки и сигнализации, как будто он готовился к тому, что преступник придет и за ним, что, по-моему, тот и сделал.

– Боже мой, а что он сказал, когда позвонил? – спросила Тувессон.

– Я попытался позвонить ему, и он мне перезвонил.

– С мобильного Гленна? – спросил Утес.

Фабиан кивнул.

– Он утверждал, что находится в отпуске на Солнечном берегу в Болгарии, куда улетел в четверг. То есть в тот день, когда в газетах написали об убийстве Йоргена Польссона.

– Да, бессмысленно тратить силы на то, чтобы натянуть в саду массу колючей проволоки, а потом взять и уехать в Болгарию, – заметил Утес.

– Надо связаться с авиакомпаниями, – сказала Тувессон.

– Займусь этим завтра прямо с утра, – сказал Утес.

– Хорошо.

– Но, может быть, стоит как следует осмотреть дом? – спросил Фабиан.

– Разумеется, – сказала Тувессон, опустошив свой бокал. – Я только сначала должна связаться с Хегсель и получить ее разрешение.

– Кто еще, кроме меня, хочет добавки? – Утес поднял свой пустой бокал.

– Не откажусь от еще одного глотка, – ответила Тувессон и ушла с Утесом.

Фабиан не знал, смеяться ему или плакать. Вместо того чтобы вплотную заниматься делом и прорабатывать различные версии, они едят барбекю и выпивают.

– Что ты тут стоишь, погруженный в раздумья, – Лилья протянула ему открытую банку пива. – Пойдем, я кое-что тебе покажу.

– Да как-то страшно.

– Ты не обращай на Хампана внимания. Он шутит. К тому же далеко от еды он не отойдет.

– Во всяком случае, как я понимаю, за последние несколько часов вы опять сблизились.

– Ну, это ты преувеличиваешь. По какой-то причине, не спрашивай почему, Муландер его тоже пригласил. Когда я сюда пришла, он был уже здесь. Но мне плевать, – она потянула Фабиана в дом и в подвал. – Если бы Муландер не был моим коллегой, я бы пришла в ужас, – она зажгла верхний свет, и только тогда Фабиан понял, что она имеет в виду.

Они оказались в комнате, доверху набитой полками, витринами и стеклянными прилавками, заставленными, в свою очередь, самыми разными предметами, разбитыми на группы. Настоящий музей коллекций. Фабиан вспомнил, что на острове Готланд кто-то открыл такой музей. Но собрание Муландера было более дорогостоящим и эффектным. И к тому же не таким разнородным, как на Готланде, где было все – от волшебных палочек до пишущих машинок. Здесь главенствовала одна тема: убийство. Однако с целым рядом подрубрик, таких как «охота и рыбалка», «отравляющие вещества» и различные орудия преступления – начиная с огнестрельного оружия и кончая ножами и обыкновенными инструментами.

После более пристального осмотра Фабиан выделил рыболовство в отдельную главную рубрику наряду с убийством. Почти половина коллекции состояла из вещей, имеющих отношение к рыбной ловле. Там были блесны, удочки, сачки, сети и чучела рыб в больших коли-

чествах. В одной витрине хранилась даже коллекция засушенных мух, рядами пришпиленных к подушечке.

– Он, несомненно, чувствует детали, – заметил Фабиан, изучая коллекцию скальпелей.

– Наверное, поэтому он один из лучших криминалистов. Он – фанат своего дела, – Лилья выдвинула подбитый красным бархатом ящик, который наверняка предназначался для хранения украшений, но в данном случае в нем хранилась коллекция пуль, каждая со своим номером. – Каждой кого-то убили, – она выдвинула еще один ящик с пулями, – а этими только ранили.

Фабиан посмотрел на ряды так или иначе деформированных пуль. В первом ящике он насчитал тридцать восемь угасших жизней. Сколько людей их оплакивает, никто и не считал.

– А почему ты не спрашиваешь, узнала ли я что-нибудь о Клаесе Мельвике?

– А ты узнала? Я решил подождать до понедельника. Похоже, все взяли выходной.

Лилья улыбнулась ему лукавой улыбкой, но тут зазвонил мобильный.

– В чем дело? Что? Я просто показываю Фабиану коллекцию Муландера... Прекрати. Если ты мне не веришь, спускайся сюда. – Она прервала разговор и закатила глаза: – Извини, так на чем мы остановились?

– Мельвик.

– Именно. После средней школы он четыре года учился в гимназии Тихо Браге с техническим уклоном. Самые лучшие отметки. После этого учился в Лундском университете на врача, а в 1990-м стал работать терапевтом здесь, в Хельсингборге.

– А Руне Шмекель ведь тоже был врачом?

– Был, но на гораздо более высоком уровне. Руне же хирург и один из самых лучших в стране в своей области. Как бы то ни было, в 1993 году что-то произошло. Клаес попадает в отделение неотложной помощи здесь, в Хельсингборге, и ты только послушай, – Лилья достала из кармана джинсов сложенный листок бумаги, развернула его и стала читать вслух: – «Сломанная челюсть, тяжелые черепные травмы в результате сильных ударов по голове, вероятно, ногами. Пять сломанных ребер, внутренние кровотечения», и так далее, и так далее. Посмотри сюда, – она протянула фотографию настолько избитого, распухшего и до такой степени деформированного лица, что от одного взгляда на него становилось больно.

– Получается, его кто-то избил.

– Я бы скорее назвала это покушением на убийство. Он перенес тридцать шесть операций. Чудо, что он вообще выжил.

– Где-то сказано, как он получил эти травмы?

Лилья покачала головой.

– Его спрашивали, но он отказался отвечать.

– А потом что?

– Ничего.

– Что значит «ничего»?

– Больше я о нем ничего не нашла. Ясно, что если копать глубже, можно что-то разыскать.

Но это последние сведения.

– А он мог умереть?

Лилья пожала плечами.

– Может быть. Или уехал из страны.

Фабиан впился зубами в свиное каре и понял, что страшно проголодался.

– Ничего в жизни не ела вкуснее этого каре, – сказала Соня, и остальные гости с ней согласились.

– Спасибо, Соня, – отозвался Муландер. – Но для твоего сведения: это называется не «каре».

– А как же?

– Лопаточный край.

– Ингвар, только не начинай опять, – попросила Гертруда.

– Но ведь это лопаточный край. Почему бы не называть вещи своими именами?

– Потому что это звучит не так приятно и аппетитно, – Гертруда повернулась к Соне. – Не обращай на него внимания. Но если хочешь узнать секрет, почему так вкусно, то это его маринад. Никто не делает такой маринад, как Ингвар. Я часто говорю, что ему надо издать поваренную книгу с рецептами только одних маринадов. – Она подняла свой бокал. – Ваше здоровье и спасибо всем, что пришли!

Они выпили, и ужин продолжился. Чем больше они пили, тем становилось приятнее. Они перескакивали с одной темы на другую. Спорили, насколько на самом деле виноваты врачи во внезапной смерти Майкла Джексона, а уже через секунду обсуждали финальную игру в чемпионате мира по футболу, в котором Швеция даже не участвовала.

– Невероятно красиво! – вскричал Утес, после того как заявил, что это был первый за долгое время финал, от которого у него не заболел живот.

Даже Соня получала удовольствие и несколько раз посылала Фабиану улыбки с другой стороны стола.

– А какие картины ты пишешь? – полюбопытствовала Тувессон.

– Подводные изображения рыб, крабов, различных мальков и так далее.

– Люблю рыб, – сказал Муландер, подняв бокал.

– Нет, ты любишь лишать их жизни, – возразила Гертруда.

– И хорошо продается? – продолжила Тувессон, которая, похоже, всерьез заинтересовалась.

– На самом деле, слишком хорошо. Я не делаю ничего нового. Все только и хотят этих проклятых рыб.

– Один мой приятель попал в такую же ситуацию, – сказала Тувессон. – Он тоже художник. Один раз он сделал скамью из бетона, на котором выбил надпись «скамья лжеца». С тех пор прошло несколько лет, но он по-прежнему занимается в основном этим. Покупатель сам решает, какую делать надпись. Ловко придумано, и ему есть чем платить за квартиру. По-моему, он даже сделал несколько скамеек к свадьбе принцессы Виктории. Но возникает вопрос: он художник или рабочий по бетону?

– Ответ требует основательного обеда, – сказала Соня, подняв пустой бокал. – И добавки.

– Принято, – Тувессон налила Соне в бокал.

– Но почему вы сюда переехали? – спросила Лилья. – Ведь Стокгольм потрясающий город.

– А по-моему, не город, а говно, – подал голос Хампан. – Я был там три раза, и не вижу ни малейшей причины, почему в нем надо жить. Люди там психованные, даже не могут спокойно стоять на эскалаторе. Бегут как ненормальные к поезду в метро, хотя через минуту придет другой.

– Хампан, я спросила не тебя, а Соню.

Хампан стал хлебать свое пиво, и все повернулись к Соне, словно ждали от нее развернутого, но четкого ответа, которого, что прекрасно понимал Фабиан, у нее не было. Он настоял, а она согласилась. Он собрался было ответить, но его остановила Лилья, которая хотела получить ответ только от Сони.

– Ну, мне всегда нравилось в Сконе. Весна приходит на месяц раньше, а осень на месяц позже. Потом, я надеюсь, что смена обстановки поможет мне в моем творчестве, и когда Фабиану предложили здесь работу, никаких сомнений не возникло, – она подняла бокал. – За Сконе!

Они выпили, и Фабиан послал Соне воздушный поцелуй. Она хорошо справилась. Настолько хорошо, что он сам ей почти поверил.

– Меня так легко не обманешь, – с улыбкой сказала Лилья, и Соня с недоумением посмотрела на нее. – И, честно говоря, думаю, остальные такого же мнения. Понимаешь, мы же полицейские и привыкли слышать разные оправдания, одно хуже другого.

– Но должна сказать, что, по-моему, ты дала достойный ответ, – заметила Тувессон.

– Да, конечно, – подхватила Лилья. – Особенно когда говорила, как важно сменить обстановку. Я чуть было не попала на эту удочку, и если бы она в тот момент не смотрела в сторону, поставила бы десять баллов. А так только семь.

Остальные рассмеялись.

– О'кей, о'кей, о'кей! – вмешалась Соня, и Фабиан понял, что она совсем пьяна. – Хотите услышать правду? Хотите?

– Дааа! – закричали все.

– О'кей, дело обстоит так. Наш брак с Фабианом последние годы все больше и больше стал напоминать гостевой, хотя мы спим в одной постели, – Соня обвела взглядом сотрапезников, молча ждавших продолжения. – Но поскольку мы по-прежнему любим друг друга больше всего на свете, мы решились на реальные изменения. Начать сначала и попытаться все вернуть... Выпьем! – она подняла бокал, и все ей восторженно зааплодировали.

– Я бы поставила пятнадцать баллов, – сказала Лилья, а Фабиан почувствовал, что Соня права и что он очень сильно ее любит.

К тому моменту, когда у Фабиана зазвонил мобильный, он успел напрочь забыть, что они расследуют сложное дело, и сначала не хотел отвечать.

Потом увидел, что звонят с датского номера.

– Привет, это Метте Луизе Ристор с заправки, – объяснил голос на другом конце провода, и в памяти Фабиана всплыла губа с пирсингом. – Он здесь, – продолжила девушка, но разговор прервался.

16

Ким Слейзнер чувствовал, как в кармане вибрирует мобильный, но отвечать не захотел. Не сейчас. Он ждал этого момента целую неделю и не допустит, чтобы какой-то маленький ничтожный разговор по мобильному все испортил. Слишком драгоценный момент, и слишком короткая жизнь. Кто знает, а вдруг он идет по подземному переходу или едет в лифте, где плохой роуминг. Это его личное пространство, к которому никто другой не имеет отношения.

Он задумался о Вивеке и о том, должна ли его мучить совесть, но пришел к выводу, что вовсе нет. Ее волновали лишь йога и наличие денег на счету, а учитывая, сколько на него свалилось за последнее время, вообще чудо, что он встает по утрам. От того, как функционирует его организм, и от его самочувствия зависит не только Вивека, но и все граждане Дании.

Иначе, как он сам обычно говорил, наступит анархия. Он откинулся назад, наслаждаясь наградой, преподнесенной самому себе.

17

Мортен Стенstrup сидел в полицейском участке Кеге, заправляя за пояс форменную рубашку и поправляя ремень на талии. Ему было не так удобно, как обычно. Ремень как будто сидел косо и натирал. Он уже проверил – пистолет, карманный фонарик и радио находились на своих местах, так что дело не в них. И он это знал с самого начала.

На самом деле, он хорошо знал, в чем дело.

Ровно месяц назад от него ушла Эльзе, и как бы он ни хотел, он не мог обмануть себя, что якобы уже лучше себя чувствует. Скорее наоборот. Что-то по-прежнему давило в груди, и он почти привык к постоянному ощущению удушья.

Врач посоветовал ему довериться какому-нибудь другу. Но у него нет такого близкого друга, который бы смог его понять. Он попытался поговорить с Нильсом, но тот только посоветовал сходить к проститутке. Нильс даже предложил оплатить этот поход, если ему разрешат участвовать.

Он тешил себя мыслью попытаться вновь завоевать Эльзе, но понял, что это ему никогда не удастся. Он был ей не ровня. Они оба осознавали это, все время. По молчаливому согласию они предпочли закрыть на это глаза и притвориться, что они на равных. Изредка им это удавалось, и тогда он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Но только на короткий период. После каждого такого периода приходило отрезвление, которое сидело в подсознании, как отдаленная, но постоянно присутствующая угроза. В конце концов, он стал к этому привыкать и почти перестал об этом думать. Внушил себе, что никакой угрозы нет. Что они на равных. Он так же хорош, как и она, а его недуги ничего не значат. Ведь они любят друг друга.

Его ничего не радовало. Ничего. Он все делал через силу. Словно поднимался в гору. Даже дышал усилием воли. Он никогда не сможет найти другую. Эльзе – женщина его жизни. Она даже не обращала внимания на его заячью губу и кожу в оспинах. Она ласкала его потрепавшееся тело, словно у него была бархатная, как у младенца, кожа, хотя он весь шелушился и трескался, и целовала его, словно хотела только его и никого другого.

Он откинулся на стуле и задумался, что ему выпить: чай или кофе. Он выбрал последний, пошел на мини-кухню и налил кофе в свою немытую чашку. Нильс сидел за кухонным столиком и оплакивал проигрыш в чемпионате мира. Мортен знал, что с ним не стоит говорить, пока он это не переживет.

Сам он никогда не интересовался футболом. Еще меньше – датским футболом. Беспокоило его только то, что проигрыш может привести к дракам. По статистике, возможны два сценария. А: воцаряется полное спокойствие. Или Б: увеличивается потребление алкоголя, а вместе с ним вандализм и избиение жен. Хотя на первый взгляд это может показаться странным, в случае победы почти всегда действует второй вариант.

С чашкой в руке он сел на свое место и не смог ничего с собой поделать – к нему стали опять подкрадываться мысли об Эльзе. По ее мнению, он слишком боялся конфликтов и был труслив. Она именно так и говорила. Мол, он трус. В этом была доля правды. Он старался не так сильно бояться конфликтов, но это противоречило его природе. Ему никогда не нравилось ссориться, а его собственное мнение не имело для него особого значения.

Он расстегнул кобуру, вынул пистолет и взвесил его в руках. Что заставляет его каждое утро вставать, принимать душ, одеваться и идти на работу? Что он медлит? Это так просто. Немного надавить указательным пальцем – и конец страданиям. Никакой тоски и удушья. Никакого одиночества. Но как ни крути, ни верти, это было бы жалким концом жалкой жизни, и, узнав об этом, все разве что пожмут плечами.

Зазвонил телефон. На дисплее высветился шведский номер, и когда он ответил, сразу же понял, что ждал именно этого.

Через семь минут Мортен Стенstrup пристегнул ремень безопасности и повернул зажигание. Загудел мотор. Он собрался было включить сирену, но решил сделать это позже, на некотором расстоянии от участка. Он не хотел, чтобы выскочил Нильс и спросил, что происходит. Он просто сказал Нильсу, что отъедет на какое-то время. Изящно выражаясь, полиция должна показываться. Вместо сирен он включил свои любимые «Времена года» Вивальди и прибавил громкость. С Карло Кьяраппа никто не сравнится. Особенно Мортену нравилась первая часть аллегро концерта «Весна», которая почему-то всегда заряжала его позитивной энергией.

Звонили из Швеции. Если быть точным, из Хельсингборга. Он никогда не отличался хорошим пониманием шведского и почему-то считал, что сконский диалект понять еще труднее. Женщина, представившаяся как Астрид Тувессон, начальник криминального отдела полиции Хельсингборга, сказала, что ей не удалось связаться с Кимом Слейзнером, ее коллегой в Копенгагене. Поэтому она позвонила непосредственно в участок в Кеге. Это он понял.

Потом стало труднее. Что-то о машине, припаркованной на заправке в Леллинге и, возможно, принадлежащей преступнику, которого разыскивает шведская полиция. Им позвонила некая Метте Луизе Рисгор, утверждавшая, что преступник только что был на заправке, чтобы забрать машину.

Остальную часть разговора Мортен вообще не помнил. Но ничего страшного. Ему все равно незачем было слушать дальше, чтобы понять: это его шанс. Он прекрасно знал, кто такая Метте Луизе. Он часто заправлялся в Леллинге во время ночных дежурств, и она обычно в это время была на работе. Год назад она сделала пирсинг на нижней губе, и он набрался смелости и спросил, зачем. Какой смысл портить такие красивые губы? Он до сих пор помнит, с каким отвращением она взглянула на него в ответ, и с тех пор вообще не смотрела в его сторону. Даже когда он похвалил ее новый цвет волос.

И вот сейчас она, возможно, в опасности. Он не мог понять, почему она позвонила в шведскую полицию, а не ему. Он даже оставлял ей свою визитку, чтобы у нее наверняка был номер их полицейского участка. Откуда она могла знать, что человека разыскивают в Швеции?

Теперь он отъехал достаточно далеко от участка, и можно было включить сирену и прибавить скорость. Он почувствовал прилив адреналина. Наконец-то что-то происходит. Наконец-то у него есть шанс показать Эльзе. Показать, что он вовсе не трус.

Он приглушил музыку – как раз зазвучала часть *ларго* весеннего концерта – и свернул на заправку в Леллинге, где, казалось, было так же спокойно, как и обычно. Некоторые сказали бы, как в гробу. Сам бы он сказал, что все было благостно, хотя именно сейчас он почувствовал некоторое разочарование. Он медленно объехал здание магазинчика и удостоверился, что обстановка даже еще спокойнее, чем обычно. Он увидел только мужчину в шортах песочного цвета, голубой тенниске и желтой кепке. Тот стоял на коленях перед «Пежо» и поднимал его домкратом. Рядом на асфальте лежало колесо от машины, а в руках мужчина держал гаечный ключ.

Это тот мужчина, который пришел сюда за своей машиной и из-за которого Метте Луизе в опасности? Во всяком случае, никакой Метте Луизе не наблюдалось, а в мужчине с виду не было ничего опасного. Он скорее выглядел как ворчливый турист. Но за годы работы в полиции Мортен научился одному: всегда сомневаться в очевидном.

Мужчине понадобится минимум пять минут, чтобы уехать отсюда, и Мортен решил сначала убедиться в том, что с Метте Луизе все в порядке. Он объехал здание и припарковался с другой стороны, чтобы тихо выйти из машины, не попадаясь мужчине на глаза. Поправил ремень, удостоверился, что пистолет и дубинка висят на своих местах, и направился к магазину.

Едва он вошел, как сразу же понял: что-то не так. В магазине никого не было, даже за прилавком было пусто. Он позвал Метте Луизе, но ему никто не ответил, и он поспешил зайти за прилавок. Впервые он попал в служебное помещение, которое оказалось гораздо меньше, чем он думал. Кухонька, стол с кипой потрепанных газет и несколько стульев. На стене календарь от фирмы «Michelin», рядом туалет с запертой дверью. Он постучал в дверь и спросил, есть ли там кто-нибудь.

Тишина насторожила его. Где девушка? Он быстро вышел из-за прилавка и стал искать подходящий инструмент. Нашел отвертку и открыл дверь туалета. Распахнув дверь, убедился, что туалет пуст. Попытавшись собраться с мыслями, он внезапно захотел пить, словно ему в рот положили наждачную бумагу. Он взял колу с охлаждаемого прилавка и, набрав полный рот сладкого газированного напитка, проглотил и почувствовал прилив энергии.

Метте Луизе никогда бы не оставила заправку без присмотра, а значит, она с мужчиной рядом с «Пежо». Он ее там не видел, но, с другой стороны, он просто проехал мимо, взглянув лишь мельком.

Мортен Стенstrup вышел из магазина и направился к мужчине, который по-прежнему сидел на корточках возле «Пежо», повернувшись к нему спиной. Подойдя ближе, он увидел, как мужчина закручивает колесные гайки гаечным ключом. При этом, казалось, он не обращал на присутствие Мортена никакого внимания.

– Извините. Могу я попросить вас встать? Расставьте ноги и поднимите руки над головой.

От мужчины по-прежнему не последовало никакой реакции, он беззаботно закручивал следующую гайку. Он что, глухой? Или не понимает, что говорят?

– Эй! Это полиция! Я хочу, чтобы вы немедленно встали! – сказал Мортен, попытавшись воспроизвести шведское произношение, которое слышал по телевизору. Он подошел к мужчине почти вплотную и смог заглянуть в салон. Там было пусто, Метте Луизе не было.

Три раза за свою почти двадцатилетнюю службу Мортен Стенstrup вынимал пистолет, снимал его с предохранителя и целился в другого человека. Один раз он произвел выстрел. Человек находился под воздействием наркотиков и угрожал ножом, и Мортен выстрелил ему в ногу и связал руки за спиной. Полностью согласно правилам.

Этот раз будет четвертым.

Само движение вьелось ему в спинной мозг, он бесчисленное количество раз отрабатывал его дома перед зеркалом. Отвести правую руку назад вдоль бедра и открыть кобуру, не теряя из виду человека перед собой. Пистолет беспрепятственно скользнул вверх, и он смог левой рукой снять его с предохранителя.

– Это полиция! Приказываю тебе встать! Прямо сейчас! – закричал он по-английски.

Дальше все произошло так быстро, что он потом с трудом мог вспомнить точный ход событий.

Мужчина быстро встал, одновременно обернувшись в пол-оборота и вытянув правую руку вперед. Мортен Стенstrup понял, что произошло, только услышав треск в правом ухе, – его со всего размаха ударили гаечным ключом. В глазах потемнело, и его пронзила пульсирующая боль, сопровождающаяся высоким резким звуком. За мгновение до того, как его голова коснулась асфальта, его потрясла мысль о том, что он больше никогда не сможет насладиться «Временами года» в стерео.

Сильный шум в ухе не стихал, и он слышал собственный пульс. Значит, он все еще жив. Он дотронулся до уха рукой. Оно было мокрым и липким. Зрение медленно возвращалось, но только через несколько секунд он убедился, что видит на самом деле. Все было повернуто под углом в девяносто градусов. На расстоянии в несколько десятков сантиметров перед собой он увидел нечто, похожее на внутреннюю сторону колеса и рядом – тапочки Crocs.

Краешком глаза он с трудом различил, что мужчина все время крутит одной рукой, и только сейчас до него дошло, что тот домкратом опускает машину вниз. Он разглядел, как гаечный ключ коснулся асфальта и как кроссовки исчезли из поля зрения. Сразу же после этого затряслась и начала вибрировать выхлопная система машины, и он ощутил глухой грохот.

Защитить голову. Защитить голову, беспрерывно думал он, когда машина начала давать задний ход.

Сначала заднее колесо.

Он изо всех сил напряг мускулы спины и грудной клетки, но все равно почувствовал, как одно за другим ломаются ребра и как боль раскаленной лавой растекается от груди по всему телу.

Затем переднее колесо.

Он увидел, как от него отъехала задняя часть «Пежо» и свернула налево на шоссе Рингстедсвей. Значит, голова выдержала. Понимание того, что он все еще не умер, что он в состоянии видеть, думать, фиксировать и принимать решения, дало ему силы и заставило, несмотря на боль в груди, встать на колени так, что он смог потянуться за пистолетом, который по-прежнему лежал на асфальте рядом с гаечным ключом. После этого он поднялся и попытался добраться до своей машины.

Левая нога отказывалась его слушаться, так что ему пришлось помогать ей обеими руками. Острая резь в груди постепенно перешла в более глухую пульсирующую боль, и он заметил, как на полицейской рубашке проступают пятна крови. По-хорошему, ему надо бы связаться с Нильсом, перепоручить ему дело и попросить вызвать скорую. Но помимо того, что швед наверняка ускользнет, это будет также означать, что Эльзе права.

Из последних сил Мортен Стенstrup повернул зажигание, задним ходом тронулся с места и вскоре уже ехал на восток по шоссе Рингстедсвей. Он прибавил газу и поблагодарил бога за автоматическую коробку передач. Если бы не это, он бы не смог вести машину.левой ногой. Теперь боль в груди почти прошла. Он ощущал только глухие удары. Рубашка стала красной и липкой от крови, и он решил больше не опускать глаза.

Лучше смотреть вперед и думать о том, по какой дороге поехал швед. Тот опережал его меньше, чем на две минуты, но уже успел скрыться из виду. Поскольку не было никаких оснований двигаться дальше в сторону Кеге, он решил сделать ставку на трассу E55 и следовать на север в сторону Копенгагена и моста к Швеции.

Он чувствовал, что скоро весь онемееет, и включил сирену и мигалку, чтобы не заснуть. Машины перед ним сразу же снижали скорость и переходили во внутренний ряд, а он как мог жал на газ. Видя, как спидометр заходит за отметку 200, сдал давить дальше до 220. Теперь ему совсем не было страшно. Он словно оставил страх в Леллинге. Будь что будет. Больше ничего не имело значения. Он справится. Покажет всем, что смелости ему не занимать. Только бы не потерять сознание.

Красная стрелка указывала на 230, но машину трясло не больше, чем его первый автомобиль, «Симка 1000», когда он дожимал до 85. Если он сможет удержать эту скорость, он нагонит шведа через несколько минут при условии, что тот едет без превышения. Еще через десять километров он увидел «Пежо» и выключил мигалку.

Но было поздно.

Швед заметил его и прибавил скорость, одновременно свернув на другой съезд. Мортен последовал за ним и почувствовал, как его окатило волной холодного пота – реакция тела на осознание. Осознание скорого конца. Машину перед ним так резко вынесло вправо на шоссе Сементвей, что взвизгнули шины. Сам он отнесся к этому немного спокойнее. Не хотел рисковать, чтобы не попасть в кювет теперь, когда зашел так далеко.

Без предупреждения «Пежо» резко свернул налево на грунтовую дорогу. Навигатор показывал, что дорога ведет по полю к рощице, огибает ее, а потом идет назад. Или швед загнал себя в угол или увидел то же самое на своем навигаторе и решил устроить засаду?

Мортен приглушил мотор и опустил стекло. С другой стороны рощицы отчетливо слышался шум двигателя «Пежо». Подавив в себе желание закрыть глаза и просто отключиться, он вышел из машины и пошел по грунтовой дороге, волоча левую ногу и опираясь на сук, как на палку. Рубашка липла к животу и груди, но он боролся с инстинктом и не опускал глаза.

Пройдя пятьдесят метров, он увидел «Пежо», который, похоже, стоял брошенный в кустах с двигателем на холостом ходу. Держа пистолет в одной руке, он поковылял к машине. Повернувшись кругом, увидел только деревья и открытое поле и сделал последние несколько шагов к машине. Подойдя к «Пежо», наклонился и сложил руки козырьком, чтобы заглянуть внутрь.

Последнее, что он понял: в машине никого не было.

После этого все почернело.

18

В ту же секунду, как Фабиан Риск ответил на звонок Метте Луизе Рисгор, праздничное настроение как ветром сдуло. В одно мгновение барбекю у Муландера превратилось в очередное полицейское совещание. Хотя и со вторыми половинками и довольно большим количеством алкоголя в крови.

Астрид Тувессон сразу же позвонила своему датскому коллеге Киму Слейзнеру в Копенгаген, но поскольку тот не ответил, оставила ему сообщение на автоответчике, проинформировав о сложившейся ситуации и о том, что она сама собирается связаться с местным полицейским участком в Кеге. После этого она позвонила начальнику Главного полицейского управления Швеции Бертилю Кримсону, который в свою очередь обещал немедленно связаться со своим датским коллегой Хенриком Хаммерстеном.

Все завертелось. Теперь им оставалось только ждать и продолжать ужин. Соня ничего не сказала, но Фабиан явно видел, что у нее испортилось настроение. И он ее понимал. Он попытался найти новые темы для разговора, но, кроме Гертруды Муландер, никто его не поддержал. Все ждали, когда зазвонит мобильный Тувессон.

Ожидание закончилось через час.

Звонил Ким Слейзнер, и Тувессон включила телефон на громкую связь, чтобы все могли слышать.

– Хенрик Хаммерстен говорит, что ты мне звонила. Но, к сожалению, никакого звонка от тебя не поступало.

– Нет, я звонила. Примерно час тому назад, – возразила Тувессон. – Но поскольку ты не ответил, я оставила тебе сообщение.

– Если бы ты это сделала, у меня был бы пропущенный вызов и сообщение, так ведь? А у меня ничего нет. Может быть, ты забыла набрать 0045¹²?

Тувессон взглянула на коллег и покачала головой.

– Но мне известно, что Мортен Стенструп, один из моих подчиненных в Кеге, погнался за преступником.

«Мои подчиненные», подумал Фабиан. По тону Слейзнера ему показалось, что главное для него – что полицейские находятся у него в подчинении.

– И это несмотря на то, что он был тяжело ранен и потерял большое количество крови. И если бы я не поспешил отдать распоряжение и выслать несколько машин, как только услышал, что случилось, он был бы сейчас мертв.

Интересно, подумал Фабиан, ему просто больше нечего сказать, или Слейзнер сделал искусственную паузу, чтобы заставить Тувессон задать вопрос. Тувессон, должно быть, подумала то же самое. Похоже, у нее не было никакого желания нарушать молчание, которое стало почти невыносимым, и Слейзнеру ничего не оставалось, как продолжить.

Оказалось, что преступник переехал Мортена Стенструпа и теперь Мортен лежит в реанимации, находясь между жизнью и смертью. Он без сомнения совершил настоящий подвиг, поскольку, несмотря ни на что, все-таки заполучил «Пежо». Преступнику же удалось скрыться, и единственные оставленные им следы – от пары ботинок Crocs рядом с машиной.

Тот факт, что датчане заполучили машину, – их большая победа и столь же большое поражение для преступника. Но Фабиана не отпускала мысль о том, что случилось с Метте Луизе. Пока что у них не было никаких следов девушки. Преступник забрал ее с собой в качестве заложника? И если да, то зачем?

¹² Телефонный код Дании.

Домой они вернулись уже за полночь. Теодор, весь вечер просидевший в углу с мобильником, сразу же исчез в своей комнате, а Матильда твердила, что ни капельки не устала и не хочет ложиться. Она не заснула даже после трех глав «Гарри Поттера».

– Папа, это серийный убийца, массовый убийца или просто убийца? – Матильда посмотрела ему в глаза. Спать она явно не собиралась. Он не хотел вникать в то, о чем в точности она говорит, но все равно считал, что дочь заслуживает честного ответа.

– Малышка, я не знаю. Пока что речь идет только об одном убийстве, хотя я практически уверен в том, что их совершено по крайней мере два.

– Как ты можешь быть уверен?

– Потому что это моя работа.

– Значит, это серийный убийца?

– Нет, тогда должно быть минимум три трупа. Но я все равно не считаю, что его можно отнести к серийным убийцам.

– Это почему?

– Серийный убийца убивает ради самого процесса. Этот убийца убивает по совершенно другим мотивам, – объяснил Фабиан и принялся рассуждать об этом деле.

По его мнению, мотив – месть тем, кто причинял ему зло, но теперь он ни в чем не уверен. Через некоторое время он заметил, что Матильда спит как убитая. Он вышел из ее комнаты, спустился на кухню и откупорил бутылку вина, которую забыл отдать Муландеру.

Соня была наверху в мастерской – она распаковывала свои картины, над которыми сейчас работала, и не сделала ни малейшей попытки даже посмотреть в сторону Фабиана, когда тот вошел с вином, двумя бокалами и «Айподом». По-хорошему, им надо было бы поговорить, но они слишком устали. К тому же все уже было сказано. Вместо этого он сел на пол, налил вина и нашел «I would Die 4 U»¹³, композицию, под которую они танцевали в первый день знакомства и которая потом стала «их песней».

Этой ночью они любили друг друга в мастерской.

На следующее утро Фабиан получил от Астрид Тувессон разрешение остаться дома на выходные при условии, что мобильный будет при нем. Взамен она пообещала звонить ему только в том случае, если без его присутствия нельзя будет совершенно никак обойтись.

За первую половину дня в субботу они смогли спокойно распаковать коробки, вынуть все из оставшихся полиэтиленовых мешков и привинтить полки. Вместе с Теодором он даже успел смонтировать стереосистему. А после позднего обеда под тентом на веранде они сели в машину и поехали покупать Теодору маску и трубку, выпив по пути кофе в кондитерской на площади Стурторгет. После этого прогулялись у причала для прогулочных катеров и нашли несколько свободных квадратных метров на пляже Tropical Beach.

В воскресенье они развесили картины, расставили книги по алфавиту, помогли Матильде навести порядок в ее комнате и, к большой радости Теодора сумели, наладить вайфай-роутер. Все помогали друг другу, и у них, наконец, возникло ощущение, что они переехали по-настоящему. Вечером они поужинали в ресторане «Pålsjö krog».

За все выходные Фабиану ни разу не позвонили на мобильный. Он даже не получил ни одного смс. Но события последних дней не шли у него из головы. Он думал о том, что случилось с Метте Луизе и что Муландер найдет в «Пежо». О Лине, которая все еще не дала о себе знать, и о том, чтобы позвонить самому и попросить прощения, и о том, как он танцевал с ней под «Реки вавилонские» в исполнении группы «Boney M.» в день своего рождения – ему тогда исполнилось двенадцать лет. Тогда он был уверен, что они с ней всю жизнь будут вместе.

Только в понедельник утром тишину нарушил звонок мобильного.

¹³ Композиция американского певца и композитора Принса.

– Ты должен сюда приехать. Немедленно...

19

Густен Перссон любил раннее утро. К тому же в тот день солнце светило так, словно никогда не погаснет. Но несмотря на это, Густен уже пребывал в плохом настроении – когда сворачивал с улицы Грувгатан и объезжал главное здание, а потом парковался на одном из парковочных мест с пометкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА – СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ÅSTORPS BYGGVAROR».

С одной стороны, закончился отпуск, а с другой, он все выходные забивал гвозди на веранде, не получив от Инги даже улыбки. Он уже давно устал повторять себе, что с Ингой каши не сварить. Друзья рассказывали ему, что некоторые женщины особенно тяжело переживают климакс. Но никто не говорил о том, какая это мука для мужчин.

Он отпер ворота, распахнул их, вошел в большое складское здание и запер за собой. Две недели склад был закрыт на период отпусков, и сейчас оставалось больше часа до открытия. Если не запереть ворота, есть риск, что здание наполнится клиентами за четверть часа до открытия.

Он стал думать о Таиланде и о предложении Гленна поехать туда вместе с ним зимой. Там сколько угодно доступных и в первую очередь дешевых девушек. Тогда он отказался – сама мысль внушала ему отвращение. Он никогда не платил за секс и не собирался этого делать.

Но после этих выходных он не был так уверен. Почему бы иногда не перепихнуться? Что в этом такого уж плохого? Ведь его влечение – такое же естественное явление, как и климакс Инги. Если бы было наоборот – у мужчин был климакс, а женщины становились все более и более похотливыми – проституция наверняка бы была узаконена. Тогда бы йогу в выходные заменили на секс, а желтые газеты – на порногазеты.

А есть ли он вообще, этот климакс? Последнее время Густен все больше стал замечать, что Инга на самом деле использует климакс как предлог. Пожалуй, надо спросить Гленна, есть ли возможность все-таки поехать, подумал он и открыл шкаф сигнализации.

Сигнализацию надо отключить в течение сорока пяти секунд после того, как откроешь дверь. Если не успеть, сигнализация сработает, и начнется небольшой ад с массой разговоров и кодов, чтобы все уладить. Он даже не смел думать, во сколько это может обойтись. Вначале он всегда нервничал, боясь не успеть, подбегал к шкафу и отключал сигнализацию. Теперь он точно знал, сколько длятся сорок пять секунд, и мог спокойно подойти к шкафу. Для него стало своего рода игрой тянуть как можно дольше.

Удивительно, но сигнализация уже была отключена. Густен не мог понять, почему. Он сам забыл поставить ее, когда они закрывались перед отпуском? Или здесь уже побывал кто-то до него и все открыл? Во всяком случае, никаких машин он не видел, а за все годы, что он отвечает за открывание ворот, ему удалось перепоручить это другому сотруднику только тогда, когда он месяц провел на больничном после шунтирования.

Густен прошел в помещение и принялся за свой обычный утренний обход – зажег лампы дневного света на потолке, включил рекламные ролики и разложил товары по местам. Он никак не мог взять в толк, почему клиентам так трудно положить товары туда, откуда они их взяли. Это было почти так же непостижимо, как холодность Инги.

Он остановился и посмотрел на окно. Оно было закрыто, но крюки не заперты. Он подошел к окну, которое открывалось вверх. Провод сигнализации вроде бы в порядке. Может, поэтому сигнализация отключена? К ним забирались больше раз, чем Густен мог запомнить, но ни одного раза с тех пор, как они установили новую сигнализационную систему вот уже почти как три года тому назад. Она стоила несколько сотен тысяч, и он вспомнил, что был настроен скептически и считал, что периодические кражи обойдутся дешевле. Если их не гра-

били воры, то это делали охранные фирмы. Но весной они окупили стоимость и с тех пор оказались в выигрыше. Впрочем, надо еще посмотреть, что произошло теперь.

Он прервал свой обход и отправился в офис, где включил кофеварку и стал ждать, когда заработают компьютеры. Введя свой персональный логин и пароль, он вошел в компьютер, открыл лог-файл и сразу же увидел, что Гленн Гранквист отключил сигнализацию ночью в четверг в 02:33. Густен ничего не понимал. Почему именно Гленн?

«You talking to me?»

Густен Перссон прослушал автоответчик, но сам никакого сообщения не оставил. Гленн наверняка все еще спит, и надо просто подольше не класть трубку, чтобы его разбудить. Он сделал новую попытку и стал считать гудки. На седьмом сдался и нажал отбой. Может быть, он не туда попал?

Он записал номер в свой личный мобильник, но звонил со стационарного рабочего телефона. Ведь это же служебный разговор, и он не собирается его оплачивать. Густен опять принялся набирать номер, тщательно проверяя каждую цифру. Но до последней так и не дошел. Он приклеился взглядом к монитору, который включился и стал показывать изображения с различных камер наблюдения.

В отделе дверей и окон автопогрузчик заблокировал весь центральный проход. Что он там делает? Он должен стоять в самом низу в проходе С. К тому же ракурс какой-то странный. Он придвинулся ближе к монитору, чтобы лучше видеть, но не успел – монитор переключился на другую камеру.

Густен не мог вспомнить, когда последний раз бегал. У них были электросамокаты, но у него не получалось держать равновесие, так что он предпочитал ходить, думая, что таким уж он уродился. Теперь он сожалел, что не приложил больше усилий, чтобы научиться. Отдел дверей и окон находился в самом конце здания, и он уже почти выдохся.

Мимо него по цементному полу прошмыгнула крыса. Крыс у них полно, это он знал. Но обычно они не показывались. Из-под поддона с гипсокартоном вылезла еще одна и метнулась в том же направлении, что и он. Что же случилось? Ему в голову пришла мысль, что его снимают скрытой камерой, но он моментально выбросил это из головы. Это не розыгрыш. Что бы там ни было, все по-настоящему.

Пульс строчил, как пулемет, а дыхание было, как у собаки в сорокаградусную жару. Наконец-то он завернул за угол и увидел погрузчик, действительно стоящий посреди прохода. Вот, значит, куда забрались воры. А почему бы и нет? Двери и тройные окна – из самых дорогих товаров. С разных сторон появились еще четыре крысы, которые прошмыгнули на другую сторону погрузчика.

Теперь он четко видел то, что предположил еще в конторе. Погрузчик был приподнят. Передние колеса висели в воздухе в пятнадцати сантиметрах от пола. Вилка вонзилась в дно, и между ней и цементным полом он увидел раздавленные ботинки Гленна – без всякого сомнения, именно его. Густен сразу же узнал самую крутую модель со стальными носками фирмы «Dr. Martens», которую Гленн так часто расхваливал. Но такого давления не выдержал даже «Dr. Martens». Мысли в голове Густена заметались, как сбившаяся компасная стрелка на Северном полюсе.

Звук помог ему сосредоточиться. Он раздавался с другой стороны погрузчика, и Густен сначала не понял, что это. Как будто что-то скрипело или щебетало. Стая... Он понял, что на полу полно крыс, которые бегают туда-сюда вокруг какого-то предмета с другой стороны погрузчика. Он взял себя в руки и пошел смотреть. То, что он увидел, станет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

В глубине души он уже понял, что Гленн мертв, и внутренне подготовился к этому. Его шокировало то, что сделали крысы.

26 ноября

В душе после физры они сказали, что я гомик и смотрю на их члены. Я ничего не ответил, но они не успокоились и сказали, что я хочу у них сосать. Потом я слышал, как они смеялись в раздевалке, и боялся выйти – ждал, пока они уйдут. Моей куртки не было. Почти совсем новая пуховая куртка, про которую мама сказала, что она слишком дорогая. Она лежала в туалете вся загаженная.

Нашел похожую в магазине JC. Пошел на кассу, они там сняли защиту, положили куртку в пакет и велели заплатить, но я взял и убежал, ни разу не оглянувшись.

Несколько дней не ходил в школу, и сегодня вечером позвонила эта чертова училка и настучала на меня. Папы дома не было, а мама страшно рассердилась. Не знал, что ответить, и просто молчал. Она спросила, почему я не отвечаю. Но я ничего не сказал. Я довольно хорошо научился молчать.

Но только из-за этого она сказала, что на следующей неделе проводит меня до школы и посидит на нескольких уроках. Я сказал, что не хочу, но тогда уже она не ответила. Черт, они подумают, что это я настучал и отдубасят меня как следует. Я знаю. Точно так и будет.

К тому же у нас голубцы. А я ненавижу голубцы, и ей это известно. Но она все равно сказала, что я должен съесть все. И тут пришел папаша и стал нудеть о том, как важно ходить в школу. Черт возьми, как же я их ненавижу. Они ни черта не понимают.

PS: Вылил свои писи в питьевую бутылку Лабана. Сначала он увиливал, но потом выпил. Отвратительно.

20

Когда Фабиан Риск припарковался у склада строительных материалов «Åstorps Byggnad», здание было оцеплено. Вокруг собралось несколько любопытных, вероятно, из числа работников. Немного поодаль стоял Утес и проводил первый допрос Густена Перссона, который еще не оправился от увиденного в отделе дверей и окон.

– Судя по всему, это тот, кто каждое утро открывает склад, – сказал Муландер. Именно он встретил Фабиана и провел его за оцепление.

– А где Тувессон? Разве она не должна быть здесь?

– Ей пришлось поехать в Мальме.

– Мальме?

– Кризисное совещание по поводу того, как уладить конфликт с датчанами. Они явно обиделись, что мы в обход начальства послали туда их собственных рядовых сотрудников, не ставя их в известность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.